

МИХАИЛ МИНАКОВ

**ТОЛКОВЫЙ
СЛОВАРЬ
ОПЕЧАТОК**

СЛОВ ЖИВАГО СУРЖИКА БЫТИЯ

КИЕВ. ГАЛЕРЕЯ "ЦЕХ". 2008

УДК 821.161
2'276.2(038)

ББК 81.2 Укр-4
М 62

Минаков М.
Толковый словарь опечаток, слов живаго суржика бытия. – Киев: Цех,
2008. – 140 с.
ISBN 978-966-97025-0-0

Оговорки по Фрейду и опечатки по Минакову – единственные вестники истины, способные прорваться сквозь лживую запутанность современности и тем самым не допустить повторения Вавилонской истории. Толковый Словарь Опечаток, Слов Живаго Суржика Бытия зовет жить, невзирая на орфографию и орфоэпию, держимову и обронзование, уркаину и современность. Этот смелый эксперимент учит тому, что где-то там, под грязной простыней повседневности, бьют источники адамитского языка, коему нет грамматики и в лексике которого нет злов. Прорываясь с опечатками в наш мир, открывшееся потаенное может здорово испортить кровь культуре саркастическим смехом над ее святынями.

В этой книге собраны опечатки, попавшиеся автору на глаза в газетах и книгах, подслушанные в чужих разговорах, набранные им же в спешке на бескрайних полях компьютерного экрана. Не важно, кто опечатался или оговорился, ибо единственный автор опечаток – сама жизнь. Опечатки говорят о нашем недалеком прошлом, подручной современности и ближайшем будущем. Они уже предсказали нам нашу судьбу, а мы уже не поняли их предсказание. Или только готовимся не понять эти известия о новых радостях, бедах, мирах, войнах, узлах истории и распутицах личного. Пусть этот словарь будет гимном славной молниеносной жизни опечаток и вящей правде адамитского суржика во веки веков!

© М.Минаков, 2008
© издание галереи Цех, 2008
© О.Щелущенко, дизайн
© Ю.Тимофеева, литературное редактирование

СОДЕРЖАНИЕ

Вспутление	5
Глава первая. Отпечатки или Введение в выражения нашей эпохи	9
Глава вторая. Болитика или Семнадцать прапонятий политической хвори	19
Глава третья. Девять опечалок или Комитрагедия культуры	47
Глава четвертая. Герои нашего внемени	65
Глава пятая. Искуссы депрессанса	77
Глава шестая. О нудрости	91
Глава седьмая. Опечадки или Угар мудрости нашей эпохи	109
Глава последняя. Очепятки или Пять фундаментальных слов прощания	123
Послезловие	133

Ad A.

ВСПУТЛЕНИЕ _____

**«Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю»**

Александр Пушкин

Если бытие и говорит с нами, то только не на «литературном» языке. Чаще всего, оно общается с нами на суржике, обращается к нам метабранью Вышенского и Аввакума, макароноречием Третьяковского и Сковороды, глоссолалиями Хлебникова и Тцары, неологизмами Хайдеггера и Делеза, дислексией Платонова и Черномырдина, трясанкой Лукашенко и Сердючки, но чаще междометиями подростков, назофонами похмельного друга, восхитительной безграмотностью политиков и торговков, проседающими идиомами таксистов и журналистов. Впрочем, чаще всего бытие стремится к нам тотально значительное молчание. Всякий раз, когда оно меняет свой молчаливый гнев на говорливую милость, когда что-то нам возвещает, бытие говорит на адамитском суржике.

Гнусное словоложество филологии — главный враг общения с изначальным. Мысль, изреченная в соответствии с грамматикой филологов, есть умершая правда, то есть ложь, и никак иначе. Тезаурусы, сокровищницы филологов, полны гниющих трупов случайного улова; слова, попав в словарь, теряют жизнь, источая трупно-грамматическую вонь. Грамматика филологов — главное оружие против жизни языка. Они ставят капканы на речь — крупную дичь, вяжут ее да затягивают в прокрустово ложе правописания и пунктуации.

И все же речь, даже в письме, даже в вычитанных и отредактированных текстах, прорывается к свободной жизни. В каждой ошибке наборщика, в каждой опечатке автора, в каждом ляпе редактора гораздо больше живого и значительного, чем во всех словарях мира.

Нужно признать, слова изначального в нашей письменной культуре вполне возможно разобрать в бормотании печатных текстов. Текст, некролог живой речи, может быть протоколом об обнаружении скотомогильника, а может — гимном павшим героям. Поэт, находясь в филологическом изгнании, переводит зовы сбывающегося, высеченные не только на пьедестале сущего, но и на странице книги. Языковые прозрения философов свершаются в равной мере в лабиринтах текстов и бесприютности перформативов. Страшна не запись, а ее правильность. Страшен не словарь, а его безумная алфавитность и неукоснительная орфографичность.

Логично спросить: возможен ли толковый словарь суржика, возможна ли энциклопедия опечаток? Не убьет ли такой словарь слепок истинного в слове, сквозь которое к нам докричалась исповедующаяся эпоха? Надеюсь, что не убьет. И надежда моя сильна не тем, что бывают словари, которые не убивают, а тем, что у настоящих опечаток жизнь быстротечна. Опечатки, слова вселенского суржика, умирают, как только мы, ухмыльнувшись, разозлившись и раздраженно перевернув страницу, забываем о них.

В этой книге я собрал опечатки, попавшиеся мне на глаза в газетах и книгах, подслушанные в чужих разговорах, набранные мною же в спешке на бескрайних полях компьютерного

экрана. Не важно, кто опечатался или оговорился, ибо единственный автор опечаток — сама жизнь. Опечатки говорят о нашем недалеком прошлом, подручной современности и ближайшем будущем. Они уже предсказали нам нашу судьбу, а мы уже не поняли их предсказание. Или только готовимся не понять эти известия о новых радостях, бедах, мирах, войнах, узлах истории и распутицах личного. Пусть этот словарь будет гимном славной молниеносной жизни опечаток и вящей правде адамитского суржика во веки веков!

Михаил Минаков,
мэтр-извлекатель квинтэссенции опечаток

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**ОТПЕЧАТКИ
ИЛИ
ВВЕДЕНИЕ В ВЫРАЖЕНИЯ НАШЕЙ ЭПОХИ**

Страгедия – (предисловие постсоветской эры) принятая под одобрительный гомон большинства стратегия, целенаправленно ведущая к трагедии, катастрофе или гибели.

Страгедия – это план, ведущий к уничтожению тех, кто верит в поставленную цель. Одним из ярчайших примеров страгедии была политика Перестройки в СССР. Планирование, не самая сильная сторона Советов, не привело коммунистов к построению «социализма с человеческим лицом». Насмешка истории состоит в том, что Перестройка погубила страну именно в тот момент, когда в ней захотелось жить. Методы, казалось, были адекватны целям, а вера «прорабов Перестройки» явно манила к себе подавляющее большинство граждан, однако путь истории пролегал в сторону распада государства, атомизации общества, преждевременного ухода со сцены интеллигенции, ранней смерти нескольких поколений, раскола Церкви и разрушения традиционных идентичностей.

На этом история *страгедии* не закончилась. Новыми примерами *страгедии* становятся «розбудова» евроатлантической Украины и восстановление величия суверенно-демократической России.

Украинское государство гонит страну в трипольскую триперно-прилипчивую трясику новой памяти, одурманивает шаманским камланием о своей европейскости и выжигает в своей истории все, что выжило в советской геенне. Украинские земли, возвращенные посполитыми и крестьянами, собранные царями и генсеками, разные и неповторимые

Подоллия и Новороссия, Галиция и Слобожанщина, Волынь и Донбасс, Полесье и Полтавщина исчезают как культурные феномены, уплощаются, становятся бескрайним плацом для парадов ряженных казачков. *Страгедия* Украины – державное изгнание из дома своей истории и географии, безысходное кочевье в поля нацидеологического беспамятства, которое у нас беспричинно называют Европой.

И Россия гонима своим государством. Проклятие погон и мундиров лежит на ее судьбе. Все еще великая, но старательно самоунижаемая страна не разгибается из поклонения Левиафану, богу земному, сменившему ипостась Абадонны красного террора на лик Мамоны – демона денег. Спесь и последовательное «нечуяние под собою страны» – извечные качества российской *страгедии*. Нарциссическая самоизоляция, изобретение врагов и банальная лень – это те особенности российского общества, которые вновь да сызнава превращают русских людей в биомассу для лепки новых исторических узлов Левиафановых щупалец.

Гомерическая трата ресурсов, вкладываемых постсоветскими национальными государствами в создание своих «наций», забавна своей бессмысленностью. Но именно в бессмысленности секрет их бесовской привлекательности и *страгедийной* успешности. Наша эпоха как будто повторяет одну и ту же шутку: планируем одно, а достигаем обратного. Виктор Черномырдин, конгениальный оратор нашего времени, проговорился, как приговорил: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Нет ничего страшнее запланированной, хорошо продуманной и стратегически выверенной трагедии. Кажется, сам разум мстит нам за неуважение к себе. Он говорит нам: «Вы применяете рациональные средства для достижения иррациональных целей? Готовьтесь к беде!» Правда, эта месть стоит самому разуму не меньше, чем нам, сирым. С каждой трагедией все меньше тех, кто в него верит.

Наша *страгедия* — окончательное и бесповоротное слияние ума и горя, воли блага и дела зла.

Современность — основная ткань истории, основанная на переплетениях лжи и страха, порожденных людьми и для людей.

Современность является прекрасной средой обитания для человека, помогающей ему уберечься от свободы, совести и правды. Человек извечно современен: он всегда хотел бежать от свободы и ответственности. Создавая *современность*, люди творили мир, из которого не нужно бежать. *Современность* комфортна и, по большому счету, является имитацией. Однако экзистенциальное качество ее на порядок реальнее истинного мира. Опираясь на страх бесконечных поколений, имитация создала *современность* — удобный мир боящихся людей. Он удобен и для физического выживания человеческого вида, и для летописного описания этого процесса. Именно поэтому история рассказывает преимущественно о современных эпохах.

И все же современность не предотвращает бегства людей. Из нее бегут те, кому нужна свобода. Этих беглецов гораздо меньше *современников*, и бегут они, как правило, в себя. Так возникают и развиваются целые колонии внутренних эмигрантов, эдакие закрытые *современные* казачества, задушевные сечи, сокровенный Низ. Тот факт, что *современные* казаки бегут, еще не значит, что они не участвуют в жизни. Они существуют жаждой возмездия, пепел истинного мира стучит в их свободолюбивые сердца: они идут в «криминалитет», голосуют за партии, обещающие разрушить *современный* порядок, предпочитают пьяную смерть трезвому смирению с иллюзорностью.

Имитация правит бал *современности*. Благодаря своему почти непреодолимому авторитету, имитация творит условия, приемлемые для жизни человека. Хотя приемлемость эта имеет первородный изъян: некую оторванность от ценностей, ради которых хочется жить. Оттого *современники* живут, как живется, а не так, как хотелось бы. Именно поэтому история зияет постоянным зазором между желаемым и достигаемым.

Современность — жалкое дитя страха и ласковая мать имитации.

Уркаина — (бесконечно частая опечатка) разрыв современности, междучасье, в котором казацкому роду нет перевода до такой степени, что хождение за зипунами становится обыденным делом.

Уркаина — эпоха, которую порождает прорыв всего запретного из преисподней подсознания современности. В какой-то момент в человеке — вечном поле боя культуры и дикости — проявляется сущность урки, с наслаждением рушащая устои и традиции. В эту эпоху правители-временщики видят в государстве источник исключительно своего наслаждения, интеллигенты молятся на Иуду, ученые плодят мифы, писатели горды списанными текстами, простаки дурят обманщиков, гэбэшники требуют реабилитации замордованных ими людей, правозащитники алкают человеческих жертвоприношений, а жулики страдают от неравной конкуренции с чиновниками и милицейскими. То, что долго копилось в подземельях совести современников, внезапно прорывается в общественную жизнь, находит своеобразное удовольствие в нарушении заповедей и созидает *Уркаину*.

Уркаина краткосрочна. Каждый человек, урка или нет, верит, что она должна скоро кончиться. Благодаря этим ожиданиям *Уркаина* длится долго: достаточно, чтобы пожалеть о современности и пожелать ее всем сердцем. Став желанной, *Уркаина* становится современностью, а история возвращается в свои права и вершит свое дело.

Уркаина — одно из имен межвременья; и каждый раз, прорываясь из задушевной сечи на простор истории, она длится все дольше и дольше.

Дэффективность — обладание дефектом, в силу которого нечто становится эффективным, результативным и оптимальным.

Дэффективность — это одно из основоположных качеств имитации. Казалось бы, изначальный изъян подделки так очевиден, что долго длиться она не может. Но факт состоит в том, что длительностью обладает только имитация. И происходит это благодаря парадоксальной *дэффективности* ее природы: если верить логике разума, все должно было бы развалиться, однако вместо этого живет и хиреет далеко не так быстро, как следовало бы ожидать. Жизнеспособность имитации — в ее вящей *дэффективности*.

Наша жизнь богата примерами *дэффективности*. Так, коррупция, которая по логике вещей мешает деловым людям жить и процветать, на самом деле помогает решать немало проблем, созданных правилами и законами. Коррупция — *дэффективна* и потому неизбывна. Другой пример: наше государство за полтора с лишним десятка лет не смогло решить ни единой проблемы, стоящей перед ее гражданами. При этом с каждым годом появляется все больше людей, готовых отдать свою и забрать чужую жизнь за его, государства, существование. Чем *дэффективнее* политическая жизнь, тем больше хочется ее вести. И так без конца.

Дэффект — это живительный источник *современности*, надежда и опора нетерпеливого человечества.

Структура — (из лексикона профессиональных руководителей) бессмысленно, но неуничтожимо существующий порядок общежития человека.

Структура красноречиво доказывает ошибочность утверждений оптимистов, верящих в разумность устройства всевозможных организаций и самого порядка бытия. Порядок, как минимум, поделен между глупостью и разумом, и никак не в пользу второго. Власть и подчинение не нуждаются в уме: более того, он вреден для растущего организма сообществ. Некритичность, послушность и раболепие — основные двигатели *структурирования* общества от рабовладельческой фамилии до сложнейшей корпорации. Гениальный Аристотель Стагирит усох, пытаясь обосновать рабство. Проницательнейший Талкотт Парсонс скатился в банальную описательность, пытаясь обосновать найденные им законы развития *структур*. Лишь Кафка сумел выразить непостижимую суть *структурности* мира, и то не до конца и не для нас.

Структура — это быт имитации, то есть бытие глупости и недобытие разума.

Сакразм — метода нециничной проверки ценностей, основанной на сарказме по отношению к незаслуженно сакрализованному.

Сакразм — это принцип нахождения, анализа и описания Опечаток, слов Живаго Суржика Бытия. В нем скальпель сарказма вскрывает саркому имитативной сакральности, препарируя цепи сокрытости, расщепляя их до сахарозы семантики и выявляя их лжекачественность. Так мы прорываемся к пониманию того, на что бытие намекает нам посредством языка.

Впрочем, не исключено, что *сакразм* может стать маразмом. Когда скальпель *сакразма* превращается в секиру разрушения, разговор теряет смысл, речь немеет и язык наполняется маразматическими миазмами. Тем самым бытие предупреждает о цене использования сей методы: за понимание придется платить едва ли не больше, чем за тупость.

Ибо сказано: слышащий да услышит! И нигде не говорится о том, чтобы слышащему было позволено говорить.

**БОЛИТИКА
ИЛИ
СЕМНАДЦАТЬ ПРАПОНЯТИЙ ДЕРЖАВОЙ ХВОРИ**

Державость — крайне злокачественная для свободомыслия инфекция, поражающая человека и его самоидентичность.

Окисляя и разъедая целостность личности, *державость* ведет к отчуждению человека от самого себя, а также от ценностей и интересов своего непосредственного окружения. Она принуждает человека верить в свой долг перед государством и его интересом. *Державость* крайне заразна. Она поражает мышление граждан, их способность оценивать поступки ближних и события, свидетелями которых они были или являются. *Державость* разъедает живую ткань индивидуальной, общинной и общественной жизни, замедляет развитие гражданского состояния. Она же является той логикой, которая обосновывает неприятие контроля над деятельностью государственных органов со стороны граждан.

Державость развивается в любом обществе, поражает каждого человека. Иммунитет к державости вырабатывается лишь у внутренних эмигрантов. Но этот иммунитет слаб и ограничен: он касается только конкретного *державого* штамма. Едва государство изменилось, пережило Уркаину, поменяв название или так называемый «строй», как тут же новый штамм державого вируса атакует человека. И чем сильнее был прежний иммунитет, тем восприимчивей человек к новому штамму.

Клиническая картина поражения *державостью* проявляется в поведении: человек мается проблемами верховной политики, пропуская мимо ушей новости соседнего двора,

истово молится на флаг и герб в государственной церкви, будучи равнодушным к учению Христа, сызмала шпигует своих детей штаммом, подавляя в них свободное и задиристое человеческое естество. Внешняя атрибутика государства, гимновая стойка с рукой у сердца, портреты вождей и утвержденная идеологией пища составляют мир *державого* человека. И тяжело уже различить, где штамм инфекции, а где человеческое общество: все смешивается и сливается в одном государственном фантазме.

Держава — превыше всего, что на самом деле означает: все — пренеже державы.

Тополитика – стиль политической культуры, основанный на физически, физиологически и физиогномически выраженных посланиях, где вербальное содержание политики является вторичным, а зачастую и лишним.

Физико-физиологические послания *тополитики* преимущественно носят угрожающий, агрессивный характер, способствующий эффективному подчинению максимальному количеству граждан. В *тополитике* послание, высказанное, например, с топаньем и потрясанием кулаков, имеет большее влияние, нежели то же высказывание, основанное на разумной аргументации.

Тополитик имеет на политической арене явное физиогномическое и соматическое превосходство над всеми конкурентами. Его отросшие уже в двадцати годах брылы, выпирающий живот, выдающийся нос на квадратном лице, поправленном дорогим косметологом, создают ауру превосходства и вызывают какое-то бессознательное уважение. Солидный вес *тополитика* создает такое поле притяжения, что неизменное хамство и главная мозговая извилина, направленная всегда, как стрелка компаса, на полюс власти, выглядят естественно и оправданно. Каждый шаг в топоте *тополитика* звучит веско и важно.

Шум – главное послание *тополитики*, а *тополитик* – его основное средство и производитель.

Уникакальность – истинное имя прилагательное нации.

Слово «*уникакальность*» возникло как поправка «оранжевого» эпитета к слову «нация». Скачек слогов проговаривается об отсутствии реальных определений у национального или расового бытия. Величайшая ложь пророчества этой опечатки о национальной особенности открывается в отсутствии у оной каких-либо качеств: все нации одинаково никакие. Они существуют только благодаря нашей вере в свою уникальность, а без оной оказываются пустопорожными. Ибо бытийно нации отсутствуют, присутствуют же только люди.

Уникакальная атрибуция группы намекает нам на онтологически проблематичный статус таких сущностей, как раса, нация или класс. Жизнь будто просит помнить, что обобщение условно, и нет нужды плодить сущности. Дай Бог устроить достойное существование тому, что есть на самом деле.

Не верьте данайцам, называющим свои дары уникальными!

Нациоанальность – безликая сила, превращающая сокровища культуры в отстойник уникальности.

Нациоанальность задает ритм идеологическому и политическому мышлению в трайбалистические периоды истории. В эпоху, когда племенные особенности становятся главными чертами самоопределения человека, в права вступает сила, которая подчиняет себе людей, общество и культуру. Все, что не подчиняется этой силе или подчиняется, но сомнительно и с оговорками, должно быть уничтожено. Однако убить можно отдельного человека – с культурой все сложнее. *Нациоанальность* выбирает самый эффективный путь культурного уничтожения. Она загаживает все, что не отдается ей раз и навсегда.

Простые радости человека, такие как вкусная еда или красивая одежда, в какой-то момент внезапно превращаются в национальное достояние. Вдруг для человека, в силу своего этнокультурного происхождения, вареник с мясом оказывается *volens nolens* вкуснее пельменя, а вышиванка дороже смокинга. Вареник и вышиванка становятся символом племенной принадлежности. Из всех жизненных интересов, забота о своей этноуникальности превращается в главную задачу, высасывающую из человека все его силы и управляющую всеми его чаяниями. Именно в этом акте отдавания силе племенного все, составлявшее богатство жизни, подвергается жестокому и бессмысленному делению на свое-совсем-свое и некогда-свое-но-теперь-чужое.

Нациоанальность превращает вышиванку в униформу, вкус маминых щей в лекало обязательного меню, говор деда в держимову, а всечеловеческого Спасителя – в «племенного Христа».

Все, попавшее в пасть духа племени, но не отдавшееся ему без остатка, выбрасывается вовне изгаженным, через нациоанус.

Иерония – стиль современного общения между людьми, порожденный их политическим, социальным и имущественным неравенством, которое доминирующая идеология отрицает и запрещает замечать.

В иеронии люди, принадлежащие к разным стратам социальной иерархии, находят убежище от сумасшествия. В нынешней ситуации при общении очень важно выглядеть политкорректными: действовать как равные, держаться как равные, говорить как равные. Но при этом необходимо помнить, что один – государственный муж, коренной житель, начальник и хозяин, а другой – подданный, понаехавший, подчиненный и наймит. Целостность личности не выдерживает напряжения из-за невозможности соединить декларируемое равенство, неизменно реальное неравенство, а также требование внешней идеологической инстанции *современности* не видеть в этом противоречия. И тут спасительная *иерония* предлагает перевести идею равенства в разряд шуток. Как только принимаешь это предложение, напряжение исчезает, а вместе с *иеронией* принимается циническая вера в спасительность лживой западной улыбки.

Иерония хорошо апробирована в «старых демократиях» Запада и укореняется в новых «национальных демократиях». *Иерония* является необходимым психологическим и культурным механизмом цинической самозащиты *homo sapiens* от очевидного противоречия между декларируемыми принципами равенства и правилами подчинения насилию каждодневности.

«Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». Исправить это противоречие, как оказалось, нам не дано, а пережить его может помочь лишь *иерония*.

Незавидимость — независимость государства, основанная на идеологической, политической и социально-экономической беспощадности к гражданам своей страны.

Незавидно положение граждан, чьи государства нацелены на непрестанное усиление своей независимости. Логика незавидности основана на наборе верований, по которым граждане должны отказаться от своих прав во имя независимости государства. Безопасность и неприкосновенность государственной независимости становятся главенствующими задачами, довлеющими над интересами общества. Во имя независимости жертвуются многообразие культур и идеологий, личные интересы и приоритеты групп, общее прошлое и частное будущее.

Незавидное бесправие граждан нравится многим. *Державая* логика государственнического мышления указывает на то обстоятельство, что твое бесправие — священная жертва во имя Закона, а отказ от своей судьбы — дар будущему Державы. Такой жертвователю лишает себя достоинства и взамен требует одного: чтобы достоинства лишались и другие. Ибонет муки горше, чем видеть свободных людей рядом с собой, когда сам лишил себя воли.

Незавидность — это безальтернативно святое условие существования государства и нежити граждан.

Сотрубничество — (современное понятие международной политики) сотрудничество в сфере транспортировки нефти и газа.

Сотрубничество является основным видом международной *тополитики*. Страсть к черному и голубому золоту определяет палитру оттенков нынешнего мира. Черно-синяя эстетика правит бал и в геополитике, и в интригах районного масштаба. Черный цвет обещает неминуемую экологическую катастрофу — планетарный судный день, а синий учит тому, что конца лучше ждать в наркотическом сплине на диване гламурного флэта. Север и Юг, Восток и Запад наконец-то встретились и слились в едином потоке сотрубничества.

Сотрубничество преодолело границы, железно-бумажные занавесы и визовые режимы. Трубы любви, как верно пел Пол Маккартни, объединили мир. Раскидав паутину трубопроводов, человечество превратилось в огромный геологический организм перераспределения химических элементов на планете и в близлежащем космосе. Раньше мы смотрели в трубы на Вселенную, теперь сливаем в них — ее.

Сбылось предсказание философов о перерождении человечества в планетарное существо. Но кто же думал, что тем самым его делу настанет труба?

Герменефтика — искусство понимания целей транснациональных энергетических компаний.

Международная *тополитика* сложна для понимания. Лишь *герменефтика* способна предложить нам адекватный метод понимания того, как возможно сотруничество между государствами-соперниками, а то и противниками. Она учит искать в геополитических играх *герменефтический* круг — структуру взаимообуславливания растущего энергетического голода и непрекращающегося наращивания добычи «энергоносителей». На международном уровне *тополитика* призвана обеспечивать обращение средств в этом кругу. А *тополитики*, обеспечивая исполнение задач *сотруничества*, зарабатывают свои проценты и пенсии. Таким образом, *герменефтика* позволяет увидеть *страгедическое* взаимодействие *сотруничества* и *тополитики*.

Герменефтика нужна не только *тополитикам* для выстраивания их карьерных приоритетов. Она немаловажна для менеджеров транснациональных энергетических компаний. Только искусность корпоративных управленцев может объединить безмерность человеческой потребности в энергии и конечность естественных ресурсов. Их искусство основано на умении подогреть энергетический голод топливными кризисами и рассказами о надвигающейся исчерпанности ресурсов, а также на знании того, как отодвинуть конец добычи. Они досконально изучили грамматику *сотруничества* и дописали тайком еще несколько правил. Главное, чтобы противоречия *герменефтического* круга продолжали действовать.

Мистика вращения сфер свелась к арифметике круговорота энергоносителей, углеводородных и валютных. Но вселенскость масштабов этого движения сохранилась.

Миморандум — соглашение сторон, достигнутое благодаря взаимному непониманию.

Дипломаты кичатся умением договариваться. Однако за этой бравадой скрыт тот факт, что достигнутые соглашения основаны на взаимном обмане. Рассматривая предложения друг друга, переговорщики правомерно ищут в них подвох. Тексты договоров парадоксальны: они являются воплощением взаимного обмана, кодом намеренного и культивируемого взаимонепонимания. После подписания очередного договора каждая сторона возвращается в полной уверенности, что обманула своих противников-партнеров. По справедливости, дипломаты должны были бы гордиться умением достигать соглашений без взаимного согласия.

Соглашения, основанные на взаимонепонимании, тем не менее сослужили свою службу человечеству: они создавали прекрасную основу для новых войн и мирных договоров. Так в *миморандумах* дипломаты, эти практики недоговоренностей, фиксируют парадоксальные соглашения, достигнутые благодаря взаимному непониманию.

Герменевты веками пытались разобраться в природе истины, препарировав понимание и взаимопонимание. Воздвигнув идол Окончательного и Полного Понимания Истины, они надеялись сначала уразуметь Библию, а потом, разочаровавшись, пытались разобраться хотя бы во взаимопонимании автора, текста и читателя. Коммуникативные философы в последние десятилетия мечтали преодолеть вражду между людьми и неизменную разделенность человечества,

выстраивая такие процедуры общения, которые бы неминуемо вели ко взаимности. Эти процедуры обоюдной честности должны были стать альтернативой логике *миморандумов*. Но что-то в природе человека противится философам-фантазерам и поддерживает дипломатов-реалистов.

Миморандум бьет точно в цель: настоящего согласия между людьми можно достичь лишь взаимным обманом.

Долговор — соглашение, требующее невероятных временных затрат для своего достижения.

Тайное учение дипломатов всех времен и народов содержит не только знание *миморандумной* человеческой природы, но и веру в Идеальный Договор. Он наступит в конце времен и положит конец войнам и государствам. Он будет вершиной дипломатического искусства и его завершением. Ибо после него не будет нужды в новых международных соглашениях. При этом Идеальный Договор отнесен в неисчислимо далекое будущее. Как уже говорилось, он будет заключен в конце времен.

Пока же время длится, государства не могут без дипломатов. *Долговор* определяет долговременную стратегию деятельности дипломатических учреждений, а *миморандум* — их неизбывную необходимость для государств.

Мир близится к своему спасению. И дипломаты знают его далекую цель.

Нанализ — анализ, результат которого формулируется в соответствии с оплаченным заказом.

Анализ не создает нового знания, но позволяет лучше понимать уже известное. Раскладывая на атомы знание, проясняя его и показывая неожиданные сферы его применения, аналитик остается на самом деле очень важной фигурой: он способен решить проблему. Однако мир устроен так, что решения принимаются не аналитиками, а людьми совсем другого способа мышления. *Нанализ* — это один из стилей общения людей, принимающих решения, и аналитиков, продающих старое знание. *Нанализ* не предполагает решения проблемы без создания дюжины новых.

Нанализ является игрой, в которой аналитик должен найти аргументы для предоплаченного заказчиком результата. Чтобы продать анализ, его результат должен быть интересен идеальному политику, а чтобы в реальности аналитические выводы были интересны вершителям судеб, они должны быть произведены *нанализом*. Классическим примером *нанализа* является изучение общественного мнения, при котором вопросы задают так, чтобы ответы на них вели к нужному политикам решению. Таким образом беспочвенные решения приобретают вид легитимных, разумных и одобренных согражданами. В этой игре весь выигрыш достается политикам. Аналитики теряют всеобщее уважение и доверие, а сограждане еще один кусок общественного пирога или очередную сферу своих свобод.

Если знание — это сила, то *нанализ* — ее расщепление. Если политика — это общение ради общего блага, то *нанализ* — разобщение целого ради блага немногих.

Элимита – элита, состоящая из прошедших жесточайший отбор представителей лимиты.

Тараканья жизнеспособность и посконная пассионарность *элимиты* позволила ей из презираемого сословия обезродненных крестьян стать апостолами агрикультуры в постсоциалистических мегаполисах. Они пришли на смену безличной брежневской номенклатуре и дали начало элитам 90-х. Возглавив орды сельской молодежи, переселяющейся в города, *элимита* на время оказалась у кормила власти восточноевропейских стран.

Стиль *элимиты* эклектичен. Он спокойно объединяет мерседес и лапотный оберег, кокаин и картофельный самогон, панамский паспорт и почвенническое кредо. Прочным стержнем элититского стиля, легко объединяющим гламур и традицию, является ненависть к городу и его цивилизации. *Элимита* – это феномен конфликта агрикультурного человечества с урбанистической цивилизацией.

Поле битвы *элимиты* с объектом ненависти являются мегаполисы. В Киеве, например, *элимита* строит так, будто мстит коренным горожанам: под нож идут парки и детские площадки, центральные площади превращаются в крыши супермаркетов, привычный городской ландшафт теряет вменяемые очертания, покрывшись прыщами сарайно-небоскребных куполов. Уничтожение парка – это акт подавленного воспоминания о сельском рае, где сад вишневый возле хаты, где жирные хрущи, где дочка готовят ужин... Во имя забвения о потерянном сельском рае элимита приносит

в жертву чахлые городские скверы. Детские площадки становятся стройплощадками вполне закономерно: элимита не верит, что в городах могут быть дети. Площади, являясь средоточием городского стиля жизни, подвергаются планомерному унижению. Свежепоставленные этногламурные памятники, новые политически выдержанные названия и точки потакания тотальному алкоголизму оккупируют площади, загаживая их так, что горожанин теряет любое желание приближаться к этому месту. Так, в наших мегаполисах стиль сосуществования происходит более от села, нежели от города.

Создав невыносимую атмосферу, *элимита* устремилась прочь из города в маленькие пригороды. Потеряв в этой миграции некоторый политический вес, они и оттуда мстят цивилизации. Нежась в перестроенных цеховских дачах, они поддерживают в строительстве державы своих детей – *борщуазию*. Они верят, что их величие не за горами: *незавидимый* улей разрастается, нужда во всеблагой *державой* матке становится все очевиднее, а перспектива ее прихода все реальнее. При этом *элимита* куда здоровее *борщуазии* в отношении национальной идентичности: *элимита* – тутейшие, и идеологические конструкции сложнее муравейника им непонятны.

Нет ничего страшнее крестьянина, лишённого ежедневной борьбы с природой. Его высвобожденная энергия приобретает угрожающую силу и может привести к крушению и без того тонкой пленки восточнославянской цивилизации.

Борщуазия — сословие, вставшее у руля восточноевропейских стран XXI века, чье миропонимание изначально настроено воспроизводить традиционные ошибки их национальной державности и незавидимости.

Борщуазия верит, что подконтрольная ей страна нуждается в поводе-рыле. Народы и страны находятся в неправильном месте, поэтому их нужно вести. Куда вести — знают только они, лидеры *борщуа*. Они создают национальные проекты и пытаются с помощью государства принудить окружающих людей идти в указанном направлении. Уверенность, впитанная вместе с материнским борщом, делает *борщуа* сильным лидером. Однако его вопиющая полуграмотность, уверенность в существовании Исторической Правды, жажда отомстить всем врагам своего народа за настоящие и придуманные обиды прошлого, склонность к нарциссическому любованию малыми, а чаще всего даже несуществующими отличиями своей нации сводит все вождистские усилия *борщуа* к обычному авторитаризму с уклоном в ленивый нацизм.

Борщуа возглавили Россию и Украину в начале XXI века. Они отличались от предыдущей элиты образованием, полученным частью при СССР, частью после его распада, верой в национальную идею и святость державности. В Украине *борщуа* носит вышиванку как форму своей украинской идентичности, ест из посуды псевдотрипольской поры, инвестирует в свое гетманское происхождение и усердно практикует пасечную алкомедитацию. В России *борщуа* оплачивает боярскую родословную, любит Путина, Кремль и византийского

орла и нарочито впадает в запой, считая, что эти черты делают его великороссом. *Борщуазия* нынче устанавливает нормы государственного общежития и уверенно ведет свои страны в спроектированное будущее.

Их слабое место в том, что *борщуа* невдомек — не единым борщом идеологии бывает сыт человек.

Кумопомрачение — тип политической рациональности, характерный для Украины.

Атомизация общества, начавшаяся в светлые годы Перестройки как аллергия на коммунистический коллективизм, прогрессирует. И *элимита*, и *борщуазия* пережили травматический опыт 90-х, когда выживали наглейшие. Частью этого опыта стало понимание того, что во многом успех зависит от верности ближних, а иные качества человека не так уж и важны. Своеобразным ритуалом принесения клятвы верности друг другу стало крещение детей: аграрная ценность потомства считалась залогом соблюдения присяги. При этом церковный антураж — пустая ритуальность. Цель кумокрещения — не вовлечение отроков и отроковиц в веру Христову, а освящение кумовства. *Кумопомрачение* — жалкий ответ на вызовы цепной реакции всеобщего распада.

Справедливости ради нужно отметить, что элементы *кумопомрачения* встречаются и во многих других странах, практикующих кумовство. Однако у нас этот феномен стал основополагающим фактором соития публичного и приватного в кумохиазме приватности и публичности. Сама политика вдруг стала нуждаться в кумовьях. И если среднеазиатский парламент структурирован в соответствии с племенным устройством страны, то украинская Рада отражает систему кумородства. Политики, в публичном пространстве принадлежащие к враждующим партиям, удерживают единство политической системы в тени личных отношений. Понимание сути *кумопомрачения* — это единственный способ разобраться в непроницаемом хитросплетении украинской политики.

Истинный *борщуа* бьет кумовством по разобщенности, бездорожью и разгильдяйству!

Демонкратия — форма государства, основанная на признании источником власти народа и его демонов.

Демократия, столь привлекательная в своем идеале, в реальности оказывается *демонкратией*. В ней Левиафана монархии меняют на бесов помельче — демонов человеческой справедливости, равенства и братства. Справедливость сгубила больше людей, чем своеволие самодержцев. Равенство покалечило больше судеб, чем сословные привилегии. Братство же развратило людей сильнее снобизма и чиновничества. Оказалось, что в присутствии Левиафана человек еще может удерживать свою моральную целостность перед лицом единого врага. В то же время сонм мелких бесов неодолим для простого человека. *Демонкратия*, питающаяся от лучших надежд человека, крепка и устойчива.

История не раз даровала человечеству рыцарей, желавших одолеть и Левиафана, и мелких державных бесов. Такими были и Петр Кропоткин, и Нестор Махно. Эти рыцарственные пророки пытались изгнать демонов государства из человеческого общества. Они мечтали о добром соседстве людей без политического бесовства. В своем демоноборстве они слишком верили в людей. Их пророческая оптика упускала из виду наличие в человеке наряду с добрыми и злых начал. Без демонического присмотра человеческое зло становилось слишком сильным, неотличимым от державного. Увы, анархизм так и не стал благодатной альтернативой *демонкратии*.

Демонкратия — это когда народу воздается по его вере. Точнее, по вере в его демонов.

Имберия — евразийская империя как воплощение азиатской мечты.

Советский Союз был не империей, а *имберией*. Поначалу большевики не задумывались о национальном устройстве подконтрольной территории: их интересовала мировая революция, подготовка которой требовала принесения в жертву народов Российской империи. Но в ходе террора, гражданской войны и последующего десятилетия метаний выходцы из провинций, представители угнетаемых и не очень этнических и территориальных меньшинств, сами того не замечая, создали режим, отомстивший великороссам. Календарь, язык, вера, державный штамп и идентичность русских были уничтожены. По некоторым соображениям, победа большевиков должна была привести к созданию антиимперии — ресурсной базы мировой революции, а привела к появлению антироссийской *имберии*. Ресентимент нацменов победил классовое чутье, психология реванша одолела теорию научного социализма.

Новая держава большевиков отказалась от наследия евро-русского недавнего и приняла к действию наследие азиатской древности. Хеттская политика переселения народов, грузинская модель выживания в перманентно неблагоприятных условиях, древнеегипетская экономическая политика, персидский опыт устройства сатрапий, эллинистические вкусы в пропаганде и византийские методы взаимодействия элит и масс легли в основу *имберии*, дали исполинскую силу ее рукам и замесили глину ее ног. Союз был единством не географическим, а хронологическим: в нем *de facto*

братались древние враги и союзники, великие цивилизации прошлого и грандиозные проекты будущего. Только настоящему в нем не было места.

В большой мечте маленького грузина и его Берии слились Азия и Европа, создав рудиментарно-атавистическую унию СССР.

Хворум — минимальное количество людей, необходимое для принятия худшего из всех возможных решений.

Встарь говорили: для греха нужны трое. Трое — и никак не меньше! В этой фразе отражена сущность *хворума*. Культура будто устанавливает некую норму количества людей, при которой невозможно договориться о чем-то толковом, хорошем и достойном. В каждой культуре есть какая-то критическая масса, не позволяющая пользоваться здравым рассудком, зато легко поддающаяся раздорам, подозрениям и кликушеству. Решения, достигнутые при *хворуме*, ведут к воплощению трагедии в отдельно взятой стране, общине или семье.

Важно понимать, что магических чисел *хворума* может быть множество для каждой отдельной культуры. Так, к примеру, политическим *хворумом* нашей страны является магическое число 226. Если некое собрание достигает этого критического уровня или превышает его, договорится об общем благе невозможно. При таком *хворуме* можно решить частные вопросы великих мира сего, можно предавать и продавать союзников и сограждан, а вот установить простейшее правило, помогающее гражданам в борьбе за существование, принципиально невозможно. С нумерологией культуры не поспоришь!

Впрочем, для украинской политики и единица — число *хворума*. Еще не было главы государства, способного к работе ради граждан и общества. Были у нас президентики, заботившиеся о своих семьях и доходах; о красных директорах и пацанах, тоже в чем-то красном; об ульях и предедках.

Несложно догадаться, что этих единиц будет еще немало в будущем. И всякий раз их заботы будут становиться дополнительным грузом для тягловой силы страны.

Магия *хворума* неодолимо тянет в сторону худшего выбора. Но надежда еще есть, если справедливо, что худшее — враг плохого.

Хультура – (субъектообъект *современности*) состояние культуры, основным способом творчества которой является халтура.

Хультура процветает в современности и творит перегнутой, на котором, хирея, цветет современность. *Хультура*, как и вторая природа, порождена полубогом Прометеем. Впрочем, рождение *хультуры* связано с его небожественной половиной: когда герой умыкнул сокровище богов, одним людям он подарил огонь, а другим, кого пугал жар пламени, дал пепел. Неизвестно, кому он принес большее благо, поскольку имеющие огонь почти вымерли от последовавшего гнева богов, а *хультурные* люди выжили. Так оно и повелось в истории.

Творческий потенциал *хультуры* является результатом взаимодействия изначального противоречия: с одной стороны, *хультурщик* делает все тяп-ляп, а, с другой стороны, халтура, благодаря своему *дэффекту*, вполне удовлетворяет потребности и запросы людей. Нынешнее процветание Китая с его недоделками и откровенным браком основано на очень высокой экономической *хультуре*. Украинская политика представляет собой тип развитой политической *хультуры*, где смешение приватного интереса и публичных инструментов приводят к принятию неисполняемых официальных решений и неукоснительному выполнению намеков. В любой модели *хультуры* творец искренне уважает мастерство, но не видит причин самому становится мастером. Даже профессионализм выглядит тут излишеством. *Хультурному* человеку не интересен мир, его устройство, его прошлое и будущее;

его интересует мирок, в котором он живет и намеревается жить и дальше. За пределами мирка все само собой образуется.

Хультурный человек искренне верит, что в случае имитации, со временем, *хультура* превратится в культуру. Ибо обещано *хультурным* людям: из пепла возгорится пламя!

Хультурология — дисциплина, которую должно основать на аналитическом методе, который был бы адекватен предмету, то есть современной *хультурной* ситуации.

Современность нуждается в своей собственной науке, которая бы оправдывала естественность и обосновывала логичность отказа от свободы. Идеальный фундамент *хультурологии* можно выразить на примере диалектической теории «переходного периода из ниоткуда в никуда» (Виктор Пелевин), гипотезы неизбежного «конфликта цивилизаций» (Сэмюель Хантингтон), вероучения о наступившем «конце истории» (Френсис Фукуяма) и верования в святость сексуально-духовной двуединости государственного устройства (Прасковья Королюк). Особо активное развитие *хультурологии* переживает в странах рухнувшего социализма, всепобеждающего ислама и одинокого империализма.

Пелевинско-хантингтоновские мотивы *хультурологии* выражают одно — проявление особого цинизма *современного* мышления, которое, с одной стороны, видит зияющую пустоту и топографическую бесперспективность *современности*, а с другой стороны, отказывается делать из нее вывод в пользу эмансипации. Именно из этого циничного зазора рождается импульс, провоцирующий *Украину* на неизбежную конфликтную ситуацию, разрешить которую можно только возвращением в *современность*. *Хультурология* — циничная дисциплина, которая не скрывает беспочвенность имитации, но тайно, через ужасы онтологически неодолимого конфликта цивилизаций, ведет к убеждению в вящей благости и неумной желательности восстановления *современности*.

В пророчестве Френсиса Фукуямы о конце истории раскрывается еще одно из фундаментальных положений *хультурологического* осмысления мира. По логике разума, история должна была бы закончиться вместе с завершением вселенского противостояния идеологий общественного и индивидуального. Но главное послание Фукуямы, истинная затея его пророчества, состоит в другом. Говоря о конце, он призывает: смотрите, история не закончилась, разум, вопиющий к свободе, в очередной раз обманул и нас, и себя. В истории человечества таких пророчеств было немало, и всякий раз они усиливали современность, отодвигая *Украину* и поощряя все большую, неучтенную статистикой внутреннюю эмиграцию.

Муза оранжевой революции баба Параска является одновременно символом веры многих людей многих стран в священную сверхприроду *современной* державы. В случае Прасковьи Королюк, благой муж Виктор Ющенко и благонравная жена Юлия Тимошенко в какой-то момент оказались Зевсом и Гёрой нового мифа о священном Украинском государстве. Их метафизическое совокупление на Печерском Олимпе положило начало вседержавному будущему Украины. Г-жа Королюк оказалась своего рода гардианом этого семейного очага, гарантом плодородия этого брака и порнографом отношений космической пары. Что бы ни происходило в Realpolitik, бабы Параски, прильнув к телевизорам или выйдя на площади, будут священнодействовать для продления сексуально-политического оформления *современности*.

Хультурология — это дисциплина, которая под видом изучения *хультуры* проповедует благостыню *современности*, божественность государства и его семейно-ульевую природу.

Держимова — (младогогольянское понятие) *державая* страсть к уничтожению языков, выраженная в идеологической максиме всесторонней защиты единственного государственного языка.

По своей сути, *держимова* — это одна из легитимных в наше время форм ненависти человека к человеку. *Держимова*, развивающаяся от ненависти индивидуальной к ненависти групповой, постепенно превращается в установление государственного контроля над индивидом: язык трактуется субъектом права, имеющим приоритет над правами человека. Как одна из форм *державости*, *держимова* проявляется в форме законодательно закрепленного единственного «государственного» языка, являющегося институтом контроля над способом и формой мысли человека даже там, где сдавались классические тоталитарные системы — в интимности ласк, словах молитвы и укоров совести. Если нацист Гитлер и коммунист Сталин по собственной недалекости пытались контролировать смысл высказываний, то гениальные пророки *дежимовы* контролируют язык. Ибо истинная власть и главная задача *держимовы* в том, чтобы приучить граждан подчиняться идеологическим установлениям государства, определяющим внутреннюю, интимную, сокровенную и ранее недоступную державе жизнь человека.

Момент слияния личной ненависти и *державой* политики в *держимове* весьма поучителен для вящего понимания *хультуры*. Чиновники, хранящие тайное знание недееспособности государства и недоумевающие, почему она все-таки продолжает существовать, всеми способами питают

тайное незнание толпы, *хультуру*, которое сплачивает их в гонении на языки и народы. *Хультурное* единство доставляет удовольствие от преследования и радость от разрушения, которые составляют основу политэстетической валюты *современности*. Даже метафоры держимов пестрят интимно-эстетическими словесами: «соловьиная» *держимова* противостоит «собачьему» языку, «родная речь» — инородной, «язык настоящей культуры» — диалектам отсталости и т.д. Жандарм Держиморда выглядит жалким пенсионером в очереди за перерасчетом госмилостыни в сравнении с роботом Держимовой.

Держимова — это *хультурная* форма уничтожения инакомыслия, инакокультурия и диалектов с языками, в числе которых и «государственный» язык, обреченный на роковую ненависть к себе за свой исключительный статус.

Предедыки – (один из важнейших предметов *хультурологических* изысканий, предмет заботы профессиональных украинцев, великороссов, сионистов и прочих) представление об особо давних предках. Поиск нашей связи с древними является лучшим средством незнания и неуважения близкой – вчерашней – истории.

Забота о предедках – симптомом бегства от личного и семейного прошлого. Дедаы и отцы, их подвиги и преступления, интересуют нас все меньше. Оптика нашей памяти настроена на работу с трипольцами, укроруссами, аратами, гардариками и прочими валютными древностями. А вот дела тридцати-, пятидесяти-, а то и семидесятилетней давности прячутся как от себя, так и от общества. Разве только служба госбезопасности поучит, как о них писать. История своей семьи и общины вдруг становится чуждой, она трактуется исключительно в рамках *державной* идеологии, а исследованиями ее занимаются историки в штатском. Дела дедов, отцов и нас самих «при Советах» оказываются неважными, не стоящими упоминания и обсуждения. Такая политика беспамятства нуждается в соблазнительных предедках.

Иллюзорное возможно только на придуманном прошлом. Бегство от недавнего прошлого свершается в придуманную древность. Чем дальше время истока, тем менее значимо то, что делал тот или иной человек в 1935/55/85 году. Бегство от недавнего – своего, родного – прошлого напрямую связано с тем, что несколько поколений упорно вытесняют из памяти все, что может поставить под сомнение их сегодняшний статус. Такое впечатление, что нынешние властители и их под-

данные чрезвычайно неуверенны в своем прошлом «до распада Союза» Они прячутся от уколов совести в фантастике Триполья, Араты и Украины-Руси.

Мы – потомки славных *предедков*, а их слава – наша гарантия вечного возвращения из забвения в беспамятство.

Обронзование — целедействие педагогики, направленной на «воспитание-из-личности» чего бы то ни было, что будет угодно властителю: искреннего патриота, пламенного коммуниста, здорового националиста, самоотверженного гражданина, прирожденного убийцы, человеколюбивого благодетеля и т.д.

С древнейших времен человечество пребывает в тисках педагогического искусства, страшнейшего беса, сумевшего сокрыться от ока составителей самых подробных средневековых демоноканонов. Этот бес будто alter ego ангела образования: построишь школу — и он тут же станет директором; только возведешь стены университета — он станет у руля приемной комиссии; едва упорядочишь систему всеобщего просвещения — и он возглавит профильное министерство. Фраза Френсиса Бэкона о неразрывности знания и власти указывает нам на смысл этого искусства: вести других, тех, кто зависит от тебя, значит идти по лезвию бритвы. Каждый шаг по нему кромсает учителя, а его сопротивляемость искушению защитить ведомых, и вместе с тем подчинить их своей вере, уменьшается. Так учителя надевают на живые души учеников бронзовые латы, которые слишком часто оказываются тисками обронзования.

Великий сакразматик Бернارد Шоу предупреждал: «Бойтесь ложного знания! Оно страшнее невежества». *Обронзование* как раз и является тем процессом познания, который разбавляет чистый спирт знания водопроводной водой амбициозности, болотной жижей скуки и кока-колой зависимости.

Выполняя просветительскую миссию, *обронзование* приучает людей знать не до конца и думать по лекалу.

Обронзование, по своей сути, является дидактическим процессом уничтожения живой личности, самостоятельности в детях и критичности во взрослых. *Обронзование* протекает как оккупация клеток живой ткани личности молекулами воспитательной бронзы. Всякий раз, когда вы слышите «металл в голосе» учителя, вещающего об истине, знайте: в этот момент еще несколько бронзовых тяжелей сковали пучок живых эонов в ученических душах.

Обронзование — алхимический процесс сотворения неблагородного металла из живой души.

Академия — единственно возможный способ самоорганизации познающего разума по эту сторону Эльбы.

Академия — истинное имя восточноевропейского университета. *Академия*, завершающая работу над продуктом системы *обронзования*, является одновременно и местом рождения *современности*, и цехом, производящим специалистов по ее обслуживанию, и территорией ее *хультурологического* исследования. Эта имитация европейских университета и академии направлена исключительно на *обронзование*, она выдавливает из своих рядов любого мало-мальски пригодного к исследовательской практике преподавателя и готового преподавать исследователя. *Современность* держится на принципиальном незнании своего жизненного мира и преподавании истин этого незнания. Для ее цельности и воспроизводства очень важно сохранить непонимание той действительности, в которой она существует.

Академия — кузница кадров для *тополитики* и *хультуры*. *Академически обронзованные* люди с радостью населяют *современность* и придают ее *дэффективности* особый шарм и привлекательность.

Академия — это место, откуда *страгедия* кажется поистине забавной.

Ивангелие — благая весть, услышанная простецами.

Бог говорит со всеми нами, не делая различий между мудрецами и простецами. Он шел на Гологофу за всех. Да только Его стон с креста слышится по-разному. Мудрецы углубляются в обертоны и лейтмотивы Его слов, следуют им, бывает, забредая в ереси и мистику, а бывает, угадывая верно. Еще есть йеху, напрочь отказывающиеся слышать о благой вести. Между этими крайностями немало и тех, кто хотел бы услышать, но нуждается в переводчиках. Такие простецы, Иваны да Марьи, живут в полувере и полуневерии, в полужелании знания и в полулени непонимания.

Ивангелие оказывается священным писанием ленивых. Кант иронизировал по поводу науки «ленивых голов», а нам приходится сакразмировать о вере «ленивых душ». Где-то глубоко в себе последние слышат зов, но недостаточно громкий для пробуждения. Беспокойство в их головах вызвано не столько этим голосом, сколько порожденным им эхом. И ответ на него они ищут в писаниях таких же смущенных переводчиков: в их суевериях, обрядах, идеологиях и психологиях. Горы *ивангелических* писаний давно заслонили собой холм с лобным местом.

Посмотрите на стоящих в храмах. Они исповедуют обряд. Крещение для них — день ныряния в ледяную воду. Вербное воскресенье — зеленый праздник. Тысячедвадцатилетие крещения Руси — повод поненавидеть единоверцев-инообрядцев из соседнего храма. Эхо *ивангелий* ведет к имитации веры.

Впрочем, *ивангелия* хороши уже тем, что учат: слушай хотя бы эхо, не становись йеху.

Хламур — блеск пустоты общепринятых канонов в эпоху массового потребления.

Когда Платон писал о людях пещеры, судящих о солнце по теням, он писал о гламуре. После него несколько тысяч лет люди стеснялись гламура, хоть и были покорны его ослепительности. Однако во времена всеобщего потребления стеснение прошло — и гламур стал навязчиво доступным; он стал *хламуром*.

Повсеместное потребление всеми органами осязания породило ситуацию, когда эстетика стала ненужным излишеством, позволительным лишь рабам вкуса. Эстетика держала людей в напряжении между полюсами прекрасного и возвышенного. Она безапелляционно требовала вкушения, переживания и оценивания. Однако рыночная демократия и технологичное производство освободили человечество от тирании вкуса. В промежутке между полюсами эстетики нашлась точка баланса красиво-доступности и покоя. Тут нет места для гения, порывов и страданий. *Хламuru* не надо ни творцов, ни ценителей. Тут нет места и для жизни — ее прыщей и припухлостей, жидкостей и слизей, запашков и пованиваний, выпуклостей и бесформенности. Наоборот, навязчивость, трафаретность и нарочитость блестящего кислотно-щелочного баланса (читай, усредненности) превращают творения в хлам. Агрессивная доступность *хламура* сделала его демократию тотальной и безальтернативной.

Тени блестящего *хламура* окрасили стены платоновской пещеры в пастельные уютные тона: тут мы, Улииссы *современности*, находимся в точке совпадения палат Цирцеи и ее свинарника.

Антрацид — неиспользование людьми права на самозащиту от посяганий хозяев жизни.

Тонну угля оценивают количеством погибших шахтеров. Что заставляет смелых, сильных, ничего и никого не боящихся мужиков идти под землю и отдавать свою жизнь за куски угля? Почему они позволяют убивать себя то томно-астматическим, то геенно-мгновенным *антрацидным* способом? По-моему, логика их действий та же, что и у крестьян времен Голодомора.

Голод и болезни крестьян в 1932-33 годах стали следствием их послушности. Здоровые мужчины и женщины, за десять лет до этого смело сражавшиеся за свои селения с оружием в руках против всех войск мира, позволили лишиться себя еды, имущества и достоинства. Они предпочли поедать своих детей, идти на сделку с красным дьяволом или тихо гибнуть от голода, чем действовать тем способом, который считали нормальным всего десятилетие назад. Их роковая послушность развязала руки кремлевскому горцу с его украинскими товарищами.

Антрацид — результат какой-то особенной неуловимой трусости, основанной на жутком неуничтожимом гене раболепства и послушности. В этом *антрацидном* гене заложено, что если кто-то объявил себя хозяином — не доказал, а всего лишь заявил вслух, нагло и беспардонно — то этот кто-то получает всю полноту наших прав в собственное владение. До того момента, пока сами хозяева не обмолвятся, что сомневаются в своем хозяйском статусе, тонну угля будут

оценивать в шахтерских, центнер зерна — в крестьянских, газетный разворот — в журналистских, а томик стихов — в поэтовских жизнях.

История учит, что у нас право на самозащиту должно быть не неотъемлемым, а несоотдаваемым правом.

Репутат — известный человек, чья репутация не может быть уничтожена, ибо она зиждется на его депутатском мандате, высоком чине или швейцарском счете.

Репутатами становятся чаще всего депутаты. Их иммунопрофицит служит им защитой от необходимости соблюдать правила и отвечать за нарушение законов. Высшие чины, блистая медальками из желтого металла и кованым слогом канцелярита, беспрекословно пользуются всеобщим уважением. Их успех в продвижении по службе свидетельствует об их витальной силе, способности победить в самых неблагоприятных условиях подковерных игр. Нувориши стремятся купить мандат или чин, чтобы получить статус репутата. Их счет ставят им в вину, которую может смыть только *репутатство*. При всем различии их подвидов, репутатов объединяет одно — юридическое и моральное право на незапятнанность репутации, которое не вызывает сомнений у ницрасположенных сограждан.

О *репутатах* говорят хорошо, пока они живы. После смерти, соблюдая древнее правило, о них не говорят вообще.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ _____

Ссубъект — объективно опустившийся субъект, как правило, бывший интеллигентный человек.

О *ссубъектах* тяжело говорить в терминах настоящего. Весь их смысл — в прошлом, в светлом и славном, но безденежном и бездомном. Поддавшись искусству Мамоны, интеллигентные дяденьки и тетеньки, эменесы и инженеры, учителя и воспитатели пошли в торговцы и прислугу, которая зарабатывает, продвигается по карьере, вырастая подчас из приказчиков в вельмож. Однако прошлое решение отказаться от, казалось, самой Судьбой предначертанного пути врача-учителя-артиста, довлеет над ними в каждом поступке и каждой мысли. Они не могут отделаться от осознания себя опустившимся человеком. Этот навязчивый образ заставляет их мстить немногим выжившим интеллигентам и рушить все, что они считали важным для себя в светлом прошлом — ценности, грамоту, культуру.

Казалось бы, что зазорного в торговле, сервисе или ином бизнесе? Но для *ссубъекта* это — чужая судьба, право на которую он должен доказывать самому себе в неизменном само- и иноопосукании.

Геневрал — особое моральное состояние человека, публично сообщающего заведомую ложь, которую называют «официальным сообщением».

Говорят, «положение обязывает». *Геневралов* это положение обязывает врать. На публичном языке это вранье называют «официальной позицией». Казалось бы, ну нанимают же все службы себе пресс-секретарей, специалистов по неправде, оставьте вранье им. Но нет, погонная интоксикация делает из служащего люда служак-*геневралов*, для которых их конторская принадлежность определяет видение истины.

Слово «*геневрал*» пришло из лексики сотрудников Министерства обороны, встречающихся с представителями общественности. Но *геневральство* золотопогонниками не ограничивается, оно касается и высших чиновников, и политиков, пребывающих в полной уверенности, что нельзя оставаться людьми во время отправления своих официальных функций. *Геневрал* — пример служебного самоотчуждения человека ради институционных целей. Какая-то служебная магия заставляет его не быть собой.

Геневрал врет, по-настоящему не понимая причин и целей своего поступка. Если бы он знал, ради чего врет, то наверняка предпочел бы быть честным человеком.

Генерат — высшая ступень интеллектуального развития человека, отдавшего армии как радикальной форме несамостоятельного способа жизни.

Дегенерация — проблема, которая может коснуться всех. Но что-то особенное происходит в последнее столетие именно с военными. Вместо блестящих, подтянутых и образованных офицеров все больше встречаются теперь типы с «печатью порока на лице» — то в болотно-пятнистых балахонах, скрывающих пивное пузо и дряблые мышцы, то в униформе потешных войск, с сусальным сиянием наград, оттеняющих блеск жадных глаз. И та печать — не их вина: отцы, как видно, не отрывались от вина. Но почему именно они так успешны в армии? Почему стремятся туда?

А, сдаётся мне, ответ таков: армия стала убежищем для *генератов* из общественного человеколюбия — кормим в мирное время неспособных вояк, чтоб в военное время они погнали нас в бой на убой.

Мелегат — неумно велеречивый делегат, болтливое «официальное лицо».

В гражданскую войну погибли все заметные риторы. Помните, в фильмах о той поре такой ритор выступает перед толпой солдат на привокзальной площади? И чем лучше говорит, тем больше уверенности, что его подымут на штыки. Так и повелось, что в двадцатом веке выживали косноязычные, картавые да молчаливые.

Но вот век закончился — и прорвало. Люди стали говорить. Говорят на улицах, говорят в транспорте, говорят в бесконечных ток-шоу. И оказалось, что риторический ген явно и безвозвратно утерян. Куда ни кинь взгляд — много откровенных болтунов и ни одного оратора.

Чем выше чин, тем болтливее *мелегат*. При всем косноязычии их болтовня не бестолкова: о чем бы они ни говорили, они говорят о деньгах и власти. Особенно когда ведут речь о морали и духовности.

Фаллософ — любитель мудрости, который слишком буквально воспринимает связь философии с любовью.

Изначально истолковав философию как мужское дело, философы тяготели к софоложеству. Недобитая философским образованием витальность выпрямляла самую утонченно-извивистую диалектику на путь поклонения фаллосу в облики то великой оси Мирового Разума, то высшей точки трансцендентального синтеза апперцепции, то самовозбудимости Абсолютного Духа, то продуктивности труда. Полагая мужское начало в основу философии, заложили и вертикальную траекторию ее истории. Оттого-то любая попытка отказаться от фаллоцентризма в философских поисках неизбежно ведет к аналитической импотенции и безразличию к истине.

Настоящий принцип *фаллософа* состоит в том, что желание обладать истиной важнее самой истины.

Мужикант — славянский менестрель.

Пифагор сформулировал правило, что музыка облагораживает души. Может, это правило срабатывает только в Средиземноморье? У нас в Гиперборее музыканты четко делятся на пифагорейцев и мужланов. Тонкие души облагораживающихся мастеров не выносят морозов и переселяются то в Пьемонт, то на Потомак. Вокруг же остаются закаленные мужики от музыки, лабухи-*мужиканты*. Настоящий резонанс в их грубых душах вызывает звон наполненных граненых стаканов, что выливается в сентиментальный шансон или гром литавр, задающих ритм солдатскому маршу.

Только бесстрашие их джазовых медитаций дарует нашим *мужикантам* право именоваться служителями муз.

Спрутница или **спрутник** — (фатальное) супруг(а) на всю жизнь.

Лукавят говорящие о семейных узах: не узы связывают членов семьи. Супруги, дети и прочие домашние опутаны щупальцами другого, ключевого игрока. В древности ему или ей приносили жертвы и молились наравне с богами. Ибо спрутник и спрутница были хранителями очага. И когда их не становилось, невидимые, но ощутимые щупальца их съезжались, отпускали из объятий — и дом распадался.

Нынешним *спрутникам* и *спрутницам* храмов не возводят. Да и они больше не блюдут очаги своих домов. Их щупальца держат в плену лишь нужных членов семьи — тех, кто несет доход, а остальных выдавливают на безопасное расстояние, в зону отчуждения. *Спрутник/спрутница* сосредоточены на контроле за мыслями и контактами своих подопечных. Однажды сосредоточив внимание на гарантиях собственного выживания и качестве своей жизни, они погубили семью. Они превратили ее в парную социально-экономическую ячейку, лишив и себя, и своих близких связи с богами родства.

Раньше супруг, имеющий семью, был заложником судьбы. Теперь, не имея семьи, он заложник *спрутницы*.

Литрредактор — редактор высшей квалификации, способный к профессиональной работе только в состоянии алкогольного опьянения.

По эту сторону Эльбы журналистами предпочитают становиться люди, которые, не имея ни одной мысли, умеют выразить ее в тексте заданного объема до указанного срока. В той же ситуации редактором становится тот, кто умеет из этих текстов осмысленно собрать газету, а затем заинтересовать читателей и рекламодателей. Исходя из этого, в круге газетного люда только редакторы, рождающие смысл и интересность прессы, осознают всю бессмысленность ситуации и хранят это знание в тайне от всех. Это знание — слабость редактора. Чтобы продолжать работать, ему приходится запрещать себе думать о смысле своих действий, затрачивая на это массу энергии. Поэтому редакторы повсечасно нуждаются в литре.

Гуттенберг открыл людям вселенную чтения, а редакторы заполнили ее пространство осмысленной пустотой своих газет.

Еврожа – (милицейско-антропологическое) лицо европейской национальности.

Переживали ли Вы опыт узнавания Своих в европейском людном месте? Сидишь себе в уютном кафе Лондона, Парижа или Берлина, пьешь жидкость, которую продуцируют красивые автоматы и приносят фальшиво-веселые официанты, разглядываешь спящих европейцев. И вдруг инсайт: ты точно знаешь, что вот тот молчаливый человек – свой, родной, постсоветский. Казалось бы, одет он во все местное. Небрежно-тщательно, по-европейски, выбрит и одет. О цвете кожи вовсе не говорю. А знаешь точно: спроси его по-русски – ответит, как родной. И бросите вы свои дела, этот механический кофе так и останется не выпитым, и сядете вы хорошо посидеть, и разойдетесь только за полночь, вволю наговорившись ни о чем. И не важно, что ты из Киева, а он из Астаны – здесь вы земляки, Свои.

Как мы узнаем среди всех европейцев – северных и южных, старых и новых – людей, рожденных в СССР? Эта задачка решается только в том случае, если допустить, что милицейская феноменология имеет под собой нерушимое основание. Не даром милиция пользуется сленгом, на котором людей называют «лицами». У этих «лиц» есть выражения, которые выдают не только индивидуальные эмоциональные реакции и следы сословной принадлежности. В лицах – наша культурная укорененность. Именно эти неявные, но легко угадываемые корни и являются основанием для узнавания Своих.

Лицо – не только зеркало души; на нем, сколь ни брейся, колосятся корни твоей культуры.

Горезонт – запредельное искушение лучшим, уводящее от хорошего.

Воистину, лучшее – враг хорошего. Желание улучшить настоящее, расти, двигаться вверх по лестнице, добиваться успеха – это вехи на пути к *горезонту*. Линия *горезонта* представляет собой нечто влекущее и соблазнительное, издавелока кажущееся лучшим. Однако при движении к нему мы убеждаемся, что оставленное место было гораздо более славным, родным, удобным.

Горезонт и манит, и обманывает. Его недостижимость – лучшее средство вовлечь и простецов, и важных мужей в бегство за горем. Если в чем-то человечество и едино, так это в страсти ухудшать свое положение. Если дьявола назвали тем, кто делает добро, желая зла, то человек – это тот, кто достигает горя, желая лучшего.

Человек – кузнец своего несчастья в такой же мере, как и счастья.

Злово — в речи это комбинация звуков, ограниченная молчанием, а на письме это сонм символов меж двух пробелов, которые в обоих случаях содержат некий смысл, пробуждающий в людях их злое начало.

Слова живут людьми и для людей. В людях уживаются одновременно добро и зло. Человек — это компромисс двух противоположных сил, компромисс вынужденный и неустойчивый. Слова напрямую связаны с противоборствующими полюсами в человеке, проистекают из них и зовут к ним. И в этих связях особым роem прямо из ада душ человеческих летят *злова*.

Злова подобны желто-черным шершням. Они жалят много и часто. Единожды произнесенные, они гнездятся в памяти и жалят душу в самые неудобные моменты. Они звучат по-разному, но в них всегда слышен шелест осиных крыльев и бульканье нерастраченной яри. Чтобы приглушить их признаки, *злова* произносятся громко и рвано. Под прикрытием крика они врываются в головы и впрыскивают яд разобщения в беззащитный гипофиз. Отравленный человек видит в других лишь зло, коим оправдывает и свои собственные злодеяния. Постепенно человек, оставленный один на один со своей болью и желанием поделится нею с другими, превращается в сплошное осиное гнездо.

Чтобы извести проклятых тварей из гнезд озлобленных голов, нужен опытный врачеватель-экзорцист, знающий, что зло в людях, а не в словах.

Цепность — культурно-бытийная значимость и долженствование, заковывающее в цепи людей, их поступки и замыслы.

Человек — поле борьбы ценностей и *цепностей*. Если ценности наполняют жизнь свободой и ответственностью, то *цепности* — властью и подчинением. В *цепностях* свое выражение находит нерушимость заветов и сложноподчинение личности внешним значимостям. *Цепность* предопределяет поступки человека, загоняет творческое начало в рамки предсказуемости и неизбежности. Грехи минувшего, не получив прощения, заковыдают людей в цепи непонесенной ответственности и лишают их выбора в настоящем и будущем.

Чтобы понять человека, нужна не только этика, наука о ценностной укорененности души, но и анэтика, то есть учение о внутренней бесприютности человека. Люди проживают отпущенное им время в рывках между оседлостью и кочевьем во вселенной ценностей. Находясь в доме, человек открыт для описаний в терминах этики. Но во время кочевий этический анализ пуст и бессмысленен. Тогда именно анэтика может показать, как *цепности* спасают номада от бесконечности выбора и искусства *горезонта*, привязывая душу к новому месту оседлости.

Пережив кочевой опыт, понимаешь, что ценности — роскошь оседлого человечества.

Мараль — мораль, использование которой окончательно загрязняет источники доброго в людях.

Ценности не терпят многословия. Им нужны не проповеди, а дела. Рассуждения о ценностях, особенно публичные, зачастую приводят к тому, что их настолько замарывают мозолистыми языками политиков и потными руками деловаров, что только появление героя может вернуть им притягательную силу. До его прихода ценностям приходится влачить унылое существование *марали* — бенгамовского искусства управлять действиями так, чтобы они приносили наибольшую сумму счастья наибольшему количеству людей. Как только мораль оказывается принадлежащей какой-то группе — классу, этносу, сословию или иной формации, она перерождается в *мараль*. Тогда ее миазмы проникают в сердца людей, причисляющих себя к этой группе, и потихоньку сводят их бие-ние на нет.

За свое использование мораль мстит людям *маралью*.

Характерристика — документ массового уничтожения.

Писание текстов, где один человек оценивает другого, в эпоху развитой бюрократии стало отдельным жанром искусства. В руках виртуоза характеристика может стать оружием массового поражения. Оценки, намеки и рекомендации превращаются в запал, заряд и ракетные ступени. Точный удар — и цель поражена, как и все, что находится вокруг нее. Так характеристика стала *характерристикой*.

Характерристика была важным механизмом отсева неблагонадежных в советские времена. В школе и на производстве, в семье и обществе эти тексты решали судьбу. В наши дни, казалось бы, ее значимость снизилась. Однако произошло это не потому, что ее значение для бюрократии стало меньше. Нет, просто сейчас все характеристики пишутся самими характеризируемыми. Но сохранение жанра свидетельствует о том, что тоталитарные практики живы по сей день и с легкостью могут вновь вернуться в нашу жизнь.

Зачастую судьбу человека определяет не его характер, а характеристика.

Харакиристика — характеристика на самого себя, содержащая самокритику, граничащую с самоубийством.

Не судить человека и о человеке зачастую является непосильной задачей. Опасность осуждения человека человеком состоит в том, что такое суждение неизбывно ведет к оргвыводам. Если у *характеристики* автор отсутствует, поскольку он растворен в жанровых правилах и структуре документа, то у *харакиристики* автор отсутствует по иной причине: он сам убивает себя, ничтожит и гноит в себе живое начало.

Харакиристика не всегда связана с признательными показаниями а la Вышинский. Зачастую она воплощается в форме мемуаров и воспоминаний. Тогда жизнеписание съедает автора, ведет его к неизбежному концу. Не раз бывало, что мемуары пожирала своего автора, становились последним актом в театре одной жизни. Последняя точка в воспоминаниях не раз совпадала с концом жизни памятливого автора.

Харакиристика — лучший друг самурая и прокурора.

Альтернатива — ситуация рутинности, навязчивости и неизбежности выбора.

Состояние постоянного выбора из множества альтернативных путей ведет к усталости избирателя. Свобода выбора, этот идеал гуманистов прошлого, оказалась не раем, а жизнью в тисках, требующих от человека постоянного напряжения: выбирай, определяйся, желай! Жизнь оказывается чередой действий, определенных одним императивом: делай выбор, пожелай и сделай правильный выбор!

Альтернатива мучительна. Она пытается конфликтом между нежеланием делать худший выбор и его неизбежностью. Всякий раз выбирая, мы наверняка знаем, что большинство выбрало большую глупость. А потому, делая выбор, мы, покоряясь року, еще и мстим: тем, кто желает иного, тем, кто не играет в выборы вовсе, и, в конце концов, самим себе — за слабость следовать судьбе и неспособность остановиться. Это двоемыслие-двоеделие-двоедушие делает нас либо бесами-нигилистами, либо псами-циниками. Усталость позволяет нам либо желать зла и выбирать его постоянно, либо совершать выбор изуверски, ткнув кривым указательным пальцем в одну из альтернатив — без надежды и доверия к фортуне.

Усталость и скука: при всем богатстве выбора другой *альтернативы* нет.

Оборzenie — (жанр гормональной журналистики) корыстно-пристрастное обозрение событий в СМИ.

Оборzenie позволяет журналисту-*оборзевателю* живописать о насущных проблемах грязетворными словесами. Оно преподносит читателю суть дела в том виде, который вызывает непреодолимое желание отказаться от последних крупниц уважения и к предмету, и к журналисту, и к себе. Хотя стиль *оборzenia* чаще всего характерен для журналистов климактерического состояния, сопровождаемого нарушением гормонального баланса, из-за утраты физиологически-возрастной определенности этого диагноза в наше время он стал едва ли не повсеместным и общеупотребительным.

Парадоксальным образом порождаемое *оборzeniem* недоверие оказывается тем мостиком, который позволяет добираться до душ человеческих. Спровоцируйте человека на недоверие — и он будет в вашей власти, ибо его апатия и неукорененность сделают его управляемым. Так журналистика кует власть.

К старости журналисты узнают грустную истину: дайте людям повод утратить доверие к ближним — и они окажутся у ваших ног.

Ребордаж — насильно взятый репортаж.

Кредо репортерского сословия состоит в том, что зритель имеет право знать. Кредо зрителей/читателей гласит, что репортер обязан ублажить его право и страсть знать. При этом третьему лицу в игре инфопотребления, «публичному человеку», отводится роль клея, удерживающего обывателя у экрана. Потребителю информации нужны сильные эмоции, чтобы возбуждать в себе голод к еще одной пайке телеизвестий. И публичный человек становится галеоном, который берет на *ребордаж* после непродолжительного манерного лавирования от камер.

Цикличность инфопотребления заключается во взаимопереходе *ребордажа* в пиастры, а пиастров в новые известия.

Правма — (термин из жаргона патологоанатомов) травма, причиненная вследствие неожиданного столкновения с правдой.

Правма грозит и отдельным личностям, и целым народам. Классическим случаем групповой *правмы* стал шок во времена Перестройки и последующий распад Советского Союза. Совесть общества не выдержала правды о грехах правителей, народных исполнителей и сторонних наблюдателей. Распад личности советского народа был логическим результатом морального акта высшего порядка: правда о тоталитарном прошлом была сказана, сказанное оценено и харакрический самоприговор вынесен. Так нас не стало.

Запад, кажется, выработал хороший метод предупреждения *правмы*. Лучшим предохранителем от нее оказалась навязчивость средств массовой информации, превращающая людей в посторонних, то есть зевак, безразличных ко лжи и правде. Советские люди, лишённые свободы слова, были наивно честны. Для них слово правды в газете имело вселенскую значимость. Западная же свобода слова и вседозволенность СМИ так утомительны и традиционны, что люди просто потеряли способность действовать согласно со своими принципами. Так, к примеру, американца честно беспокоит память о том, что он — гражданин единственного за всю историю человечества государства, использовавшего оружие массового уничтожения. При этом он не исключает правомерности новых атак на опасных соседей по планете. Да, британцы изобрели концлагерь, что само по себе очень плохо. Но орденосный бюст изобретателя стоит на

почетном месте во дворце демократии. Моральные оценки западного человека оторваны от действия: признавая вину, он не выносит приговор ни себе, ни своему государству. Максиму морали западного моралиста можно выразить так: вину признай, но приговор не выноси.

Воплощенная в политической традиции свобода слова, как громоотвод, спасает от справедливости небес. Она учит судить, но отвращает от исполнения приговора.

Вилософия — ведущий стиль нашей философии, избегающий четких определений и последовательного мышления.

Философия — духовная наглость идти в мышлении до конца. Для этой наглости от мыслителя требуется немало смелости. Еще больше храбрости требуется от окружающих, поскольку вынести философа с его выводами подчас слишком трудно. Но на Святой Руси, во всех ее великих, малых и белых ипоста- сях, царит благодать: мудрецы, памятуя о сократах и морах, молчат, а прозорливцы бегут мира. Кто же метит на писание книг да поучения с кафедры, тому образовательную рефор- му в лоб, министерский учебник в рот, коллег-вилософов подмышки и осиновый кол в грудь. Поэтому главный искус начинающего славянского философа состоит в возможности не договорить, не додумать, сформулировать мысль невнят- но — только для внутреннего употребления. Это искус напи- сать в стол, умолчать и прогнуться. Всевышний простит, если Эзоп заступится. Так одна *вилософия* у нас и выживает.

Выписывая вилами по воде замысловатые узоры, наши фи- лософы страшатся своей способности до чего-либо доду- маться. Куда проще переводить мысли бесстрашных тевто- нов, создавших на века небесную империю диалектики. Еще можно растолковывать мысли тороватых англосаксов, ус- тановивших равенство ума и банковского счета. Допустимо также играть в бисер французской блажи да китайской гра- моты: с них и вовсе взятки гладки. Главное — не мыслить «тут и теперь», не додумывать свое до конца да не договаривать

на публике. Видимо, нам сподручнее вилами месить силос истории любомудрия, а не вкладываться в него ядреным ви- тамином сродной мысли.

Так и повелось на Руси: что *вилософу* здорово, то думанью смерть.

Сотрупничество — особая связь между людьми, порожденная совместной виной в убийстве.

Сотрупничество рождается из духа, заполняющего ноздри убийц вместе с железистым запахом человеческой крови. Вина в смерти человека создает своего рода духовное родство между убийцами. В войне и мире, между бравых ли солдат, среди гнусной ли братвы, можно увидеть некое подобие воспетой человеческой верности, взаимной поддержки и искренней заботы. Этот суррогат — *сотрупничество*. Оно является основой войсковой солидарности, отсутствие которой разлагает моральный дух армии. Банда нуждается в объединяющем убийстве, без которого ее члены перережут друг другу глотки. Общий смертный грех спаивает людей воедино прочнее любых священных и добрых уз.

Ничто так крепко не объединяет людей, как таинство совместного пролития чужой крови.

Эгономика — наука, изучающая человека в каждой дневной пограничной ситуации владения собственностью и добывания денег.

Эгономика — истинное имя экономики. Адам Смит, Карл Маркс и Чарльз Дарвин увидели человека сквозь водяные рисунки дензнаков, услышали его голос во звоне монет, нащупали его истинное тело в вещах, собственности и семье. Деньги оказались эквивалентом тех сил человека, кои раньше звались верой и любовью. Шелест купюр оказался истинной мелодией земной гармонии, почище небесной. Открылось также, что настоящая свобода человека очерчена пределами его собственности и потомства. Маги от *эгономики* вернули менял во храм, чтобы откровенно говорить с ними о человеке и обществе. Если Чарльз Дарвин сдернул фиговый листок с гениталий человека, то экономисты отказались от стеснений в исследовании денежно-делового взаимодействия людей. Благодетель, доброта и честь оказались на полях новой антропологии, в центре внимания которой — *Ното ресатус*, человек грешный. Так человеческое Я и производное Мы предстало пред почтенной публикой во всем блестяще-шелестящем бесстыдстве.

Эгономика отчаянно претендует на окончательную правду в вопросе о человеке. Главное — не довести ситуацию до того момента, когда нужно решать: верить ей или нет.

Поколеное — поколение, своеобразие которого состоит во всеобщей пассионарности, приводящей либо к неумеренной креативности, либо к крайнему декадентству.

Поколеное подобно взрыву энергии в отдельно взятом поколении. Пассионарность творческого *поколения* обеспечивается бесстрашием в достижении своих целей; декадентского — безразличием, к которому приводит бесшабашное бесстрашие. Зачастую одно и то же поколение имеет оба признака, и лишь случай ведет к тому или иному результату. Энергия, переполняющая одноклеточных, заставляет их действовать в стадном унисоне и приводит к тектоническим свершениям.

Поколеное рождает и хоронит народы. Всемирная история пестрит примерами *поколений*. Но задумываются ли историки, чем платят люди *поколения* за свою принадлежность к племени пассионариев? Страсть к процессам ведет историков к слепоте и бесчувствию: они находят только то, что ищут. Гениальные литераторы не раз пытались сопоставить слепоту историков и *поколеновой* сверхоткрытости. Именно таким образом Гомер, Луи Буссенар и Андрей Платонов освещали потемки души *поколения*. И у всех звучит одна общая тема: близость *поколеновцев* с божественной Судьбой и их стойкое неприятие Логоса. *Поколеное* — утроба, которая может пожрать гиганта, но и способна родить героя.

Издравле *поколению* поют две песни: величальную и зауспокойную. Третьей им не сложено.

Честнок — (из сленга ботаников) корень правды.

Нынешний жаргон гламурной публики зовет беспокойных и любопытных людей «ботаниками». И правда: зачем в обилии вседоступных наслаждений лишать себя времени для вкушения оных? Посмотрите на новейший мир Интернета: множество поколений ботаников положили жизнь на открытия, позволившие опутать мир знательной Сетью. Но какой ресурс наиболее востребован людьми? Рекламный спам, групповой хардкор и форумы ненависти. Однако, величая смешным словом занудных умников, пелевинские орану-сы проговаривают очень важную истину о себе. Если те, кто их изучает, носят имя ботаников, не считают ли они втайне себя овощами, растительными душами, вырабатывающими хлорофилл под искусственным солнцем *хламура*? *Честнок* ботаников опасен: он может раскрыть эту тайну.

Особенность *честнока* состоит в том, что невкусившие его будут прилагать все усилия, чтобы отказаться от общения со съевшим, ибо честность, как известно, дурно пахнет.

Молчавние — максима «когда я ем, я глух и нем», ставшая всеобщим законодательством.

Издревле известно, что большинство покорно, если ему предоставляют хлеба и зрелищ. Действительно, зрелище отвлекает взгляд от поступков властителей, а хлеб занимает рот, не давая сболтнуть лишнего. При мало-мальски действующей бюрократии, средневзвешенной продажности политиков и миролюбивых соседях государство, основанное на принципе отвлечения граждан от участия в управлении, будет существовать бесконечно долго. Это идеальные *real*-политические условия для развития державности.

Государство, основанное на гражданской слепоте и молчании большинства, немилосердно по выдвижению требований к меньшинству. А ведь именно ему выпадает скорбный жребий смотреть и говорить. Если в обычных условиях, по замечанию Бернарда Шоу, большинство неправо всегда, а меньшинство иногда, то все чаще это «иногда» становится всепременным требованием.

Настоящий баланс в политике — это удержание равновесия между непримиримыми элитами и маргинальными меньшинствами, которые свисают над пропастью, уцепившись за жирные бока слепо-немого большинства.

Героинм — наркотик патриота, сужающий картину мира до двух цветов — черного и белого, и двух слов — «герой» и «злодей».

Героинм является необходимым стимулятором для удержания людей в *державом* немыслии и идеологической бессознательности. Нельзя обманывать большое количество людей долго, не пролив крови. Но кровопролитие часто пугает правителей — не страданием другого, а страхом расплаты. Оттого им нужны добровольные жертвы — особый тип людей, зовомый «народными героями». Потребитель *героинма* — благородный, славный, но недалекий человек — отдает свою жизнь на благо властителей, оформленное как нечто неясное и неосязаемое, но преподнесенное учителями как сверхважное, и тем самым лишает трезвого понимания жизни не только себя, но и свой народ. В наркотическом бреде *героинма* люди подчиняются сами и подчиняют других тем, кто нуждается в их подвиге. А потом о подвиге будут рассказывать еще многим поколениям, сплетая из повествований надежную узду добровольного подчинения.

Героинм заставляет благородную личность взять на себя роль козла отпущения в личине жертвенной овцы.

Амазона — место заключения людей женского пола.

Речь идет не пенитенциарном заведении. Так уж вышло по чьей-то воле, что женщины стали считать свое тело *амазоной*. Да, человек, какого бы пола он(а) ни был(а), ограничен(а) и случайностью врожденных характеристик своего тела, и приобретенными качествами своего духа, и неизбежным бессмертием своей души. Наше тело — это поводок, на котором нас кто-то держит. И в этом ограниченном мирке женщине достался поводок куда короче мужского.

Если верить ученьям мистиков, человеческая душа бесполо. Видимо, в наказание за проступки прошлого, Небеса возвращают души в разнополюе тела. Не знаю, за какие ошибки внедряют души в мужчин, но после суфражистской революции в женщин воплощают наиболее виноватых.

Нет слов, в постройке тюрьмы активное участие принимал единственный вселенский «патриархат» — мужское племя. Патриархальный строй в культуре, религии и грамматике установил *амазону*, сплетя колючую проволоку из маскулинной свободы и фемининной плодородности. Однако женщины усугубили свое положение, истолковав свою нарочитую связь с биологией и физиологией, делающую жизнь женщины регламентированной и подчиненной распоряжению сфер, только как неволю. Тюрьма возникает не там, где на окнах решетка, но там, где есть люди, считающие себя заключенными, а других — тюремщиками.

Вместо освобождения феминизм усугубил положение заключенных, привив им понимание тюремной сущности *амазоны*.

Демонология, идеология

и **уфология** — разные имена единого древнего искусства одурачивания доверчивых людей, жаждущих тайного знания.

Искусства оттого и искусства, что искушают человека, обращаются к самому неразумному в нем — к надежде. Среди этих искусств есть мастерство обманывать простодушных, ныне зовомых подлым словом лох. Жаргон, как всегда, дает нам ясный намек на происхождение словца. Если слово разума — логос, то неспособный его ценить — лох.

Демонология обращается к простакам, даря им надежду на чудо и уверяя их в магической управляемости мира. Если Чарльз Сандерс Пирс прав в своем прагматизме и единственным честным мериллом веры является величина пожертвования, то вера в *демонологию* исключительно сильна. Много ли физиков-миллионеров? Много ли состоятельных священников? А вот богатых *демонологов* немало. Главы государств и высшие приказчики корпораций приходят за советом к хиромантам и кудесникам, ведунам и вещуньям. Следователи ищут пропавших вместе с телепатами. Хворые и разуверившиеся лохи томятся в очередях к знахарям и факирам. *Демонология* — древнейшее из искусств, взывающее к самому сердцу глупости людей.

Идеология — изысканное мастерство управлять людьми, подарив им надежду на возможность порядка в мире, который будет основан на цепностях и марали. *Идеология* смешивает лучшее и худшее в человеке. Она убеждает людей в том, что

их любовь к отвлеченному понятию державы и ненависть к вполне конкретным, этой державе негодным людям благородна и моральна. Попавшись на удочку *идеологии*, лучшие и худшие чувства людей используются в целях власти или же тех, кто за нее борется.

Уфология, пожалуй, наименее искусное из всех ремесел этого рода. Денег оно приносит мало, власти не дает. Люди, надежда которых слишком слаба для успеха магов и идеологов, все равно нуждаются в том, чтобы их обманывали. И если на рынке нет мастеров, желающих на этом подработать, простецы обманывают себя сами. Вера в инопланетян и летающие тарелки — удел бесперспективных лохов. Создавая загадку на пустом месте и отдаваясь самообману, они приобретают в своих глазах значимость и вес. *Уфология* — безвреднейшее из искусств одурачивания обнадеженных. Ее существование свидетельствует об экзистенциальной необходимости многих людей быть обманутыми.

Надежда — поистине ключ к пониманию человечества, но пользуются ею всегда в качестве отмычки.

Иудеология — идеология, которая провоцирует людей, искусившихся своими представлениями о политическом порядке, предавать ближних, становится иудами.

Люди лучше, чем сами о себе думают. Свои гнусности они чаще всего совершают бескорыстно, то есть безо всякой личной заинтересованности. Их действие направляется некоей идеологией, которая, используя лучшее в людях, подчиняет их и заставляет жертвовать своей вечной душой и временным телом ради пустоты чужих амбиций. Если идеология — это мышление, успешно выдающее желаемое за действительность, то *иудеология* — это истинное имя того, что она делает со своими последователями.

Оправдание Иуды в том, что без него для христианства не было бы повода. Оправдание идеологии в том, что без нее истинная ценность веры так и осталась бы скрытой.

Внемя — то, что люди способны понять в своем настоящем и что недоступно никому другому ни в какое иное время.

Настоящее мы переживаем в тех темах, которые кажутся нам в данный момент сверхважными. Уже через несколько дней нам будет безразлично, о чем договорились Н. с N., или то, когда же закончится этот дождь, или ну зачем я пошел на эту работу. Но когда мы переживали каждую из этих тем, они были самым важным и неотложным делом для нас. В зазоре между сверхважностью центральной темы переживания настоящего момента и ее забвенностью в будущем находится разница между *внеменем* и временем.

Время — это выжившие маловажные темы прошлого, безуспешно проецирующиеся в будущее. *Внемя* — это то важное и сущностное в переживании настоящего, что теряется с ходом минут, часов, дней и месяцев. *Внемя* и есть тот центр уникального переживания своей жизни, что, пройдя, уходит насовсем. Так *внемя* составляет материю вечности и при этом, выносится за скобки памяти — и моей, и всех людей. *Внемя*, в отличие от времени, не попадает в историю.

История безнадежна и многолика в силу того, что ей недоступно *внемя*. Она всегда касается только лишь второстепенного умершего настоящего.

Глубость — глупость, угадать которую сразу невозможно из-за ее глубины.

Отличить мудрость от глупости не всегда просто. Если мудрость неизменно очевидна, то глупость зачастую скрыта. Благодаря какому-то инстинкту мы понимаем, что то или это — полная чушь. Но грамматика выражений, в которых оформлена глупость, безукоризненна. Риторические приемы ее автора просто чудесны. А если она сопровождается музыкой, красивым голосом и прочими прикрасами, как в песнях поп-див, то мы наверняка поддадимся магии *глубости*. Глубина, пусть даже пустоты и бессмыслия, вызывает несомненное, хоть и временное, наслаждение.

Мудрый Гельвеций сравнивал глубокие идеи с чистыми водами омута, прозрачность которых затемнена глубиной. *Глубость* — это влиятельная бессмыслица, скрывающая в глубине свою чушь.

Тихотворение — прядение нити истории, требующее тишины.

История полна шума. Его эхо звучит в хрониках, учебниках и многотомных исследовательских трудах. Однако, разбирая мудреные тексты, я не нахожу того простого момента, когда история, собственно, происходит. Описания касаются только последствий, внешних эффектов и заметных событий. Про шум написано много, а вот о его источнике — молчок.

Настоящее истории, а значит и настоящая история, делается в тишине. Вселенский авантюризм Бонапарта Наполеона, параноидальный тоталитаризм Иосифа Джугашвили, политорректный империализм Джорджа Дабл-ю Буша создают шумовой фон, тогда как их поступки — следствие фундаментальных смещений в архитектонике Судьбы человечества. Разнонаправленные эволюции событий изливаются из одного источника, единого для доли личности и перипетий групп. Как судьбоносные для отдельного человека решения принимаются в вакууме души, так и важнейшие для человечества шаги предпринимаются в звуконепроницаемом пространстве, в котором взаимодействуют лидерство и подчинение.

Шумит массовка вождей, но нить истории Парки ткут тихо.

Унтерсубъективность – фундаментальное понятие восточноевропейской диалектики раба и господина, состояние экзистенциальной подчиненности.

Мышление в XIX-XX веках обнаружило идею интересубъективности и воспряло духом: кажется, мы догадываемся, почему люди понимают друг друга! Вкладывая в это слово веру в наличие чего-то общего и единообразного даже в самых интимных уголках одинокого субъекта, философы и иже с ними обрели новую сферу для изучения. Немецкий философ Эдмунд Гуссерль назвал интересубъективностью «открытую общность монад», благодаря которой мир предстает одинаково общезначимым и поэту, и пастуху, и палачу. Благодаря этой же общности люди оказываются в состоянии понимать друг друга и договариваться.

Увы, рассматривая наши общности сквозь призму интересубъективности, приходишь к неутешительным выводам. Присмотревшись к тому, что общего у нас, видишь: даже после распада Союза и обретения отдельных судеб некогда советские народы едины в стремлении подчиняться. Шанс установить правила более-менее равного взаимодействия в одном государстве не сработал. Прибалты и кавказцы, русские или украинцы – все жаждут сильной руки, сильного государства и сильной власти. Изначальная *унтерсубъективность* делает саму волю к жизни и власти волей к подчинению чему-то великому. Быть господином и слугой себе *унтерсубъекты* не хотят и не могут хотеть. Конструктор их мира выстраивается только вверх или вниз, по вертикали. Жизнь оказывается осмысленной, только если кому-то служишь или

кем-то повелеваешь. При этом выстраивается очень нужная и справедливая иерархия: кому-то подчиняюсь я, но кто-то подчиняется мне. И уж последний получит все, что мне наболело из-за подчинения. Теория *унтерсубъективности* учит, что встречаясь с Другим, понять его можно лишь сделав своим. Либо своим господином, либо своим рабом.

Присутствие Другого рассматривается нами исключительно как шанс насладительной муки *унтерсубъективного* властвования-подчинения. Так что, питье – не единственное веселие на Руси.

Абсолютый — предельно допустимая мера абсолютности радикала.

Стремление к крайностям в повседневной жизни и политике приводит к неудачам. Эта необходимая неудачливость происходит из самой логики стремления к абсолютному выполнению своего замысла. Абсолютность подкупает своей завершенностью и надеждой на максимальный успех. Если абсолютное — это безусловная полнота и подлинность, и если проект надежды рассчитан только на успех, возможный лишь при полном выполнении задач, то замысел никогда не удастся. Мало того, он приводит к тому, что человек, неживший надежду на успех, проигрывает по-крупному, до конца, до доньшка. Тогда абсолютное становится *абсолютым*.

Будучи оппозицией к *дэффективности*, *абсолють* часто присутствует в *страгедии*. Чем глобальней замысел, тем страшнее поражение. Абсолютность цели ведет к *абсолютости* последствий.

Эпистемалгия — горе от ума, знания и опыта.

О горестях, рожденных многознанием, написано немало. Но еще больше боли несут попытки понимания других и себя. *Эпистемалгия* — это неизбывная боль, происходящая из самой безразличности к ближним, к дальним, к жизни как таковой. Все мы переживали ее в моменты ностальгии по далекой Родине, прочтения неутешительного диагноза или пика похмелья. Слава Всевышнему, эти приступы, как правило, недолговечны, и клятвы изменить жизнь самым радикальным образом забываются, как только добрая *современность* опускает свой анестезирующий туман на наши глаза.

Если верить Дизраэли, то несчастье — лучший учитель. Не знаю, какие науки освоил этот учитель, чтоб получить свой диплом, но уверен, *эпистемалгия* — один из его коньков.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОПЕЧАДКИ
ИЛИ
УГАР МУДРОСТИ НАШЕЙ ЭПОХИ

Футбог — олицетворение Божества и Провидения для массы наших *современников*.

В *современности* поклонение невидимому Богу Библии невозможно. Здесь и теперь истинно лишь то, что видимо. И чем больше тех, кто эту истину видит, тем более верной она является. При этом чаще всего люди собираются поглазеть на сверхусилия других. Наблюдение за тем, как бегают, играют и соревнуются другие люди, называется спортом. В сонме обожествляемых спортивных зрелищ высшее место занимает футбол. Его неоспоримое верховенство основано на том, что в этой игре Провидение проявляет себя наиболее очевидно и назидательно. И оно не требует экзистенциальных переживаний наподобие вопроса «паду ли я, стрелой пронзенный». Ему не нужен срывающийся шепот на исповеди — «грешен!», отчаяние — «проклят!!» и ликование — «избран!!!». Провидение предстает пред изрядно причастившимися пивом и рекламой последователями культа во всей его прожекторной ослепительности и сомнительно-неподкупной истинности шоу. Отдавая свою душу одной из играющих команд, зрители сливаются в экстазе победы или поражения в двуедином теле *футбожьем*. Так футбол стал *Футбогом*.

У этого культа ежедневно появляется все больше последователей — ни христианство, ни индуизм, ни буддизм не сравнятся с ним числом болеющей паствы. Храмы, посвященные *Футбогу*, дороже, больше и, что важнее всего, вместительнее любых других домов Божьих. Его евхаристии свершаются во время матчей, со вкушением пивных дрожжей и

смотреньем поучительной рекламы. Фанаты-юродивые именован *футбожьим* и просто болельщики-прихожане призваны любить и ненавидеть: их любовь направлена «своей команде», а ненависть — противникам. Религия *Футбога* объединяет человечество, не лишая его ни добрых, ни злых начал.

Ницше ошибался. Бог не умер. Напротив, он стал очень зримым, массовым зрелищем — *Футбогом!*

Суккубъект — фемининный субъект современной метафизики культуры.

В Средневековье суккубом называли женщину-демона, являвшуюся в эротических снах мужчинам. Согласно романтической теории Френсиса Барретта, суккубы — это плодородные духи природы, которые вступали в связь с мужчинами ради обретения их общими потомками бессмертной души. Вероятно, теория Барретта была не так уж и фантастична: *суккубъекты*, гибриды суккубов и людей, заполонили европейскую культуру XX века, постепенно вытеснив оттуда и тему бессмертия души, и запретность эротических откровений. Вопрос в том, насколько оправдались надежды демонов и людей на душевные свойства их детей?

В XX веке сексуальная революция превратила эротический сон в *суккубъект* культуры. Визуализация эротических фантазий в искусстве и технологиях, активное использование эротизма в литературе и рекламе, стремительная порнографизация быта и политики только подтверждают это предположение. В этом процессе явным образом превалирует женское начало суккубов. Оттого гиперэротизм современной культуры эксплуатирует преимущественно женское тело и мужское желание. Видимо, инкубы-мужчины оказались не столь плодородны, или женщины не столь легкомысленны.

В результате *суккубъектного* творчества эрос не стал более человечен, зато реальное влияние его фантазма на события нашей повседневности стало куда более зримым.

Ультимат — язык тополитиков.

Ультимат — дополнительная знаковая система, помогающая *тополитикам* имитировать членораздельное общение между собой и с электоратом. Этот почти язык не способен передавать сложные смысловые конструкции, которые, впрочем, и не свойственны *тополитикам*. Он очень экономен и способен удерживать говорящих от обычного мата. Кроме того, его фонетическая структура устроена так, что он не нуждается в переводе. *Тополитики* всех стран легко понимают друг друга благодаря *ультимату*.

Упомянутые особенности свидетельствуют в пользу моей гипотезы, что *ультимат* обязан своим происхождением не так мату, как легенде про Ultima Thule. Символическое обозначение неведомой земли указывает на живущих там адамитов, пользующихся древним предвавилонским языком. Этим объясняется его простота и доходчивость, которые, безусловно, создают благоприятные условия для употребления *ультимата тополитиками*.

Ультимат прост и бесхитроушен. Он оказался настолько заразен, что в благоприятных условиях кондовой *держимовы* и восстановленного *обронзования* повсеместно распространился в нашей стране. Его лексический минимум и выразительная физиология стали частью нынешней риторической культуры на публике и в интимном общении. Краткие рубленные фразы, экономящие вечно дефицитное славянское время, неочевидный блатной флер, придающий общению ощущение опасности, по-романски выразительная мимика,

помогающая удерживать внимание вечно рассеянной публики, — все эти черты делают *ультимат* очень успешным языком. Его неспособность быть средством передачи мудрости компенсируется тем, что он сам по себе есть мудрость аполитичного и обезнадеженного народа. А его понимание только ультимативной логики «или – или» делает его лучшим путем к употреблению «последнего довода королей».

Ультимат — предпоследний довод тополитиков.

Уневреиситет — научно-образовательное учреждение, доступ к которому закрыт согражданам из запретных групп.

В нашем прошлом и настоящем университеты — места науки и образования лишь для тех, кто прошел отбор по принципу «свой – чужой». Примером служат гласные и тайные ограничения на вступление в ВУЗы евреев времен Империи и УССР. Эти ограничения, пока не столь очевидные, есть и сейчас; боюсь, их не изживут и в будущем. Сама природа нашей *академии*, вероятно, требует, чтобы даже ее невысокое качество образования было желаемым, взыскуемым и дефицитным. И недоступным для не поддающихся идеологической ассимиляции.

Изначальная стратегия укоренения университетов в русском мире была нацелена на решение задач государственной этнокультурной политики. Меняются названия государств и университетов, а стратегия остается неизменной. Подлейшая зависимость университетов от *державности* и их единственное по-настоящему выполняемое задание ассимиляции превращают места научной коллегиальности из образовательного рая в круги чистилища. Тем самым, создавая все больше оскорбленных в самом средостении своей идентичности интеллектуалов, они провоцируют наступление ада *уркаин*, революций и воен. Социалистическая революция и гражданская война в начале XX века показали, как больно мстят униженные абитуриенты и отвергнутые студенты-отличники.

В нашей акамедии Вергилии и Беатриче приемных комиссий принимают участие только в тех Дантах, у которых все в порядке с идентичностью, произношением и пятой графой в генокоде.

Априоритет – первенство, которое первое среди равных.

В детском споре часто разбирается вопрос о том, кто первое. Не кто первый и второй, а кто первое среди первых. Это не досужий спор, как считают тугодумы-взрослые. Речь, по сути, идет об *априоритете внемени*, о самом важном и главном на данный момент, на момент вечности.

Когда нам открывается смысл слова «априори», мы убеждаемся, что речь идет о вечном и изначальном, о том, что было до времени и пространства, до нас и наших предков. При этом это вечное не где-то по ту сторону жизни, а рядом, в каждой нашей мысли, в каждом поступке, в каждом ощущении. Приоритет этой *априорности* мы так или иначе понимаем в любой момент нашей жизни, однако осознаем его важность только в начале жизни. Память постепенно забывается мелочами, которые становятся важнее главного, то есть первое *априоритета*.

В детстве мы по-настоящему помним важность важного, а во взрослом состоянии всего лишь думаем, что знаем о нем.

Избранное — редакторское творчество, основанное на совмещении самостоятельных текстов в одной книге.

Подготовка книг, носящих титул «Избранное», — это отдельный жанр редакторского искусства. Причастность к избранному подчас превращает редакторов в диктаторов и становится настоящим источником их вдохновения — скорее цензорского, чем собственно редакторского. Подобранные на чужой вкус, нелепо всунутые в один томик творения, часто пронзительно одинокие и несовместимые ни с чем другим, теряют свою особенность, меняют контекст и приобретают чужое звучание. Редактируемая избранность плохо влияет на произведения искусства.

Не так страшна смерть поэта, как посмертное издание его избранных сочинений.

Авангард — весомость (вплоть до невыносимости) миссии впереди идущих.

Тяготы пребывания в авангарде движущихся масс хорошо известны нам и из собственного опыта, и из литературы. Ответы на вопросы впереди идущих давали до нас и будут давать после. Вот только в стороне, без ответа, остался вопрос о том, всегда ли нужно идти впереди и вести за собой? Может, иногда важнее быть первым, кто призвет остановиться, чтоб посмотреть, а не стоит ли жить там, где ты и так уже находишься?

Последнее столетие наш мир пребывал в идиотическом кочевье. Наши деды, отцы и мы жили и по сей час живем в постоянной среде призывов, вторящих зову *горезонта*, идти то в научно обоснованный коммунизм, то в мифическую Европу, то в очень Северную Атлантику, то в легендарный восстановленный Союз. Может, пора *авангарду* взять на себя еще более сложную роль — и остановить движение?

Пришла пора брать на себя невыносимую роль пионеров восстановления мира нашей оседлости тут и теперь. Не для внешнего «блэзиру», не для болельщиков Евро-2012, не для комиссаров красного или синего цвета, не для генералов четырехгранной звезды, а для самих себя.

Нанука — академический стиль современной науки.

Распад Союза показал, насколько тонка пленка науки. Даже в самых непригодных для свободно-методичного мышления условиях, советская наука была более близка к идеалу, чем нынешняя. Впрочем, тогда ученые не находили свое состояние таким уж безоблачным. Воюя с тупыми партийными бонзами и идеологическими цензорами, ученые надеялись на новый мир, в котором никто не будет указывать, какие науки верны, а какие лживы. Но смерть нечестивой партии не привела к «научному прогрессу». Так совпало, что одновременно с уходом коммунистов со сцены истории с профессурой случился инфаркт, аспиранты ушли на рынок, а лаборатории сдали в аренду фарцовщикам. Мы думали, наука — это цвет цивилизации, а оказалось, что этот цвет — плесень, стираемая мановением руки своенравной Клио.

На том месте, где еще недавно была наука, выросла *нанука*. В этом слове живет боль и боль НАНУ, то бишь Национальной академии наук Украины. Между несколькими выжившими островками настоящих исследовательских групп образовалась пульсирующая, быстро растущая *структура, дэфективно* имитирующая научную жизнь. Запустились и действуют институты с громкими названиями, осваиваются растущие бюджеты, раздаются громкие чины, выбираются академики от инфантерии, и проводятся сочные симпозиумы. И все это на фоне полной дегградации нашей научной жизни, отсутствия исследований, непонимания ни природы, ни культуры, в которых мы живем. *Нанука* оказалась нежитью — не смертью науки, но и не ее существованием.

Эта вечно терминальная стадия распада разума оказалась конгениальной нашей *современности*, и потому *нанука* процветает в Украине, как, впрочем, и в соседних странах.

В науке оно как? Кто умеет — исследует, кто не умеет — учит, а кто не умеет ни того, ни другого — занимается *нанукой*.

Искомина — неприятное ощущение, возникшее в результате очередного знакомства с банальностью истины.

Иные истины вызывают оскомину. Поиск правды начинается так славно, так обнадеживающе, так захватывающе. Но разоблачение искомого зачастую приносит не удовольствие, а разочарование — и не глубокое, страдающее и трагическое, а так, мелочное и поверхностное. Как оказалось, правда банальна и, нередко, невзрачна. А если опыт узнавания невзрачности истины повторяется, то у человека вырабатывается по отношению к ней устойчивая *искомина*.

Бернард Шоу первым заметил, что многие истины начинались как кощунство. Но он умолчал о том, что большинство из них закончились банальностью.

ОЧЕПЯТКИ
ИЛИ
ПЯТЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ СЛОВ ПРОЩАНИЯ

Ипоха – безымянный период истории, псевдоним которого происходит от имени предыдущей или будущей эпохи.

Ипоха безымянна. Ее могут назвать по имени предыдущей именной эпохи с приставкой «пост»: постмодерн, посттоталитаризм, постсоветское время. Ее могут арифметически припечатать вторичностью: второй модерн, вторая молодость, вторая свежесть. Часто за *ипохой* закрепляется статус предварения какого-то периода: предыстория, предвоенное время, добрачный период. Бывает, ее зовут межвременьем, неким промежутком между историческими периодами, как будто здесь люди не живут, не мыслят и не творят.

В *ипохе* не видят величия и самостоятельности, но это не значит, что великого в ней нет. Величие *ипохи* в людях, которые ее выдерживают. Древнее проклятие «чтоб ты жил в эпоху перемен» исполняется – не важно, виноваты они или нет. Тревоги и чаяния в междучасье весомей и трагичней. В них человек, с его слабостями и подвигами, глупостью и надеждой на разумность, ленью и творчеством, виден яснее и четче. Обычное переплетение низости и величия жизни в *ипоху* выпуклей и питательней. Потому-то в последующие именные времена она оказывается славной средой для самостоятельности и созидательности.

Кроме того, *ипоха* свидетельствует о том, что история никогда не обходится лишь человеческим материалом. В эпохальные периоды кроме человека в истории есть еще нечто, что отвлекает взгляд истории, – это Судьба.

А в *ипоху* Судьба сокрыта, будто она ушла в отпуск, покинула страну ради других, более привлекательных народов. Поэтому человек в эти моменты так одинок, уязвим и прозрачен.

У *ипохи* нет имени, но в иную героическую эру она может показаться земным раем. В ней нет места для подвига, но лишь благодаря его привычности, повсеместности и обыденности.

АВТОКТОН — лицо тугейшей национальности, задающеея вопросом о собственной идентичности.

Тугейшество — настоящее имя каждого народа. Искус национализма губит настоящие корни человека, навязывает ему псевдонимы, ввергает в пучину игр памяти. Автоктоны становятся автоктонами в момент, когда они задают себе вопрос о том, кто они, являются ли они народом? Это вопрошание — настоящее отторжение от себя своих корней. Всерьез спросивший себя о своем происхождении уходит в мир, где его ждут загодя подготовленные ответы, и все — лукавые.

Империю покоряли племена, но относились к ним с аристократическим уважением: это были тугейшие люди, потомки гениев этого места. Имперские образовательные проекты воспроизводили победителей и покоренных, не меняя этой естественной для них диспозиции. Национальные государства XIX-XX веков механизировали процесс воспроизводства тугейших, нарушив их простую, экологически безупречную нишу. Завоевание государством племен теперь стало окончательным и бесповоротным: в речи, в мыслях, в личной патриотической самоотверженности тугейшие потеряли свое имя и свою уместность. Их языки, не знавшие ни крейсеров, ни поэтов, начисто уничтожены национальными всеобъемлющими образовательными системами. Тоталитарные государства националистического и классового типа использовали пропагандистско-образовательную систему для окончательного и бесповоротного отрыва людей от реальности.

Новые *борщужно*-национальные образования нашей поры прорастают из истощенной геалкоммунизмом почвы и добивают случайно выживших в болотах, степях и горах *автоктонов*. Грядут новые тотальные проекты?

Национализм — это изуверство *автоктонов*, людей, потерявших свою землю в обмен на стандартный аттестат официальной идентичности.

Малогроссия – (непатриотическое) слово в защиту величия Малороссии.

Слово «Малороссия» стало ругательным в устах потомков тех, кто ковал ее славу, гордость и величие. С распадом русского легендарного триединства, трансцендентное слово «Украина» заменило имманентное имя «Малороссии». Странными, непонятными и лишними кажутся детальные, нецензурные биографии великих малороссов. Непонятен и идеолог империи Феофан Прокопович, и проповедник слобожанских и новороссийских колонистов Григорий Сковорода, и армейский штабс-капитан Иван Котляревский, и Николай Гоголь, так гордившийся своим природным правом носить отчество, и Тарас Шевченко, в трезвом состоянии искренний пропагандист имперской гражданственности, и преподаватель русского языка в Кадетском корпусе Евгений Гребинка. Диковинными кажутся описания устройства Малороссии в декабристских проектах конституционного устройства Республики. В позапрошлом веке малороссы были преисполнены непонятого теперь осознания собственного достоинства, значения и важности своей земли. Нынче Малороссия, по мнению современника-украинца, ничтожна, как любая колония.

Величие Малороссии отнюдь не сомнительно. Храня первую святую и кровавую столицу Руси, будучи интеллектуальным и идеологическим центром моголянского проекта православной империи, распространяя идеологические ценности казачьей вольницы и материальные – новороссийского предпринимательства, Малороссия сама была метрополией,

центром Российской империи, со всеми вытекающими отсюда выводами позитивного, нейтрального и негативного характера.

Пусть в лучах сегодняшнего заката кажущаяся величина нашей тени не затмевает былого величия родного края. Будем помнить: величина – переменна, а величие, даже бывшее, – постоянно.

Виктρία – (батально-фатальное) попытка побеждать сегодня, разжигая боль от древних поражений.

Что случилось под Троей? Победа? Поражение? Почему, читая Гомера, мы сочувствуем одновременно обеим сторонам? Смешение ахейской виктории и илионского поражения по сей день будоражит умы и вкладывает в наши головы модель *виктрии*.

В Центральной Африке принято болеть малярией. Там плохой воздух портит кровь. А в Центральной Европе принято болеть *виктрией*. Под ее тлетворным влиянием все люди от детского сада до пенсионного велика сожалеют о поражениях своего национального прошлого. Так, венгры плачут по Трианону, а сербы – по Косово (теперь уж вдвойне трагического края). Но в отличие от центральных африканцев, пьющих горькую хину, центральные европейцы не лечат болезнь, а ярят ее. Они наполняют школьные учебники и популярные газеты кислотами и щелочами, не дающими ранам зажить. Что-то случилось с ними такое, что теперь нужно болеть *виктрией*, чтоб быть собой.

Евроинтеграция Украины совпала с обширным инфицированием наших учебников и газет исторической болью. Теперь праздники не отличишь от поминок. Мы отмечаем убийство забытых патриотическими офицерами и политиками мальчишек под Крутами. Потом под неусыпным взором госслужб празднуем Великий Голод, преступление государства пред гражданами. Затем отмечаем юбилей очередного разорения Батурина...

Впереди нас ждет еще много горько-сладких «красных дней календаря». А сразу после веселья-тризны не то исторических, не то истерических праздников тайком пьем бром, напиток профессиональных центральноевропейских патриотов. В нашей стране место фимиама Асклепия и Афины прочно занял коктейль Морфея и Клио.

Мы, расчесывая в кровь забыто-придуманные раны, идем в Европу! Дойдем ли, с такой-то кровопотерей?

Поэчатка — ошибочное, но творчески верно написанное слово.

Истинная опечатка несет в себе намного больше, чем «правильное слово». Эта книга позволяет не раз в этом убедиться. В искажении словесной формы происходит некое поэтическое — ономактопозитическое, то есть впервые именуемое — действо. Благодаря ему мы видим, что содержание слов не ограничивается их привычной формой, смыслом, значением и употреблением. Есть еще и пятое измерение — фигура непостоянного умолчания, спорадического проговаривания, иногда выдающая что-то потаенное. Оно — истинное вечное содержание, которое можно увидеть лишь краем глаза и услышать вполуха. Однако это видение и услышание дорогого стоит: приоткрытые завесы кажущейся реальности дарят еще непознанное новое и занимают нас загадками на следующие века. Анонимная поэзия опечаток несет в себе ритм изначального и рифмует будущее с прошлым.

Когда-то Марина Цветаева заметила, что самое важное в жизни и поэзии — то, что сорвалось. Наши *поэчатки* — это самые короткие по форме и продолжительности жизни стихи, построенные из таких срывов и настроенные на признание их важности.

Наше время перехода истошно сопротивляется описанию. Слова оказываются пустыми оболочками, едва пытаешься применить их к рассказу о нашей *ипохе*. К горю ли, к счастью ли, роман-эпопею о нас написать невозможно. Такое впечатление, что *современная* вампирическая реальность выпивает значение слов в тот самый момент, когда голос материализует звуки, а перо — буквы. Эта *ипоха*, играющая с нами в прятки, оказывается непонятной и потому беспредельно властной над нами.

Сакразм позволяет воспользоваться толкованием опечаток для проникновения в некоторые сферы настоящего. Пробираясь в уголки сокрытого, мы по-прежнему многого до конца не понимаем. Но и того, что удастся добыть, достаточно, чтобы продолжить осмысленное существование. Как ни странно, только внимательное подозрение к реальности позволяет понять и время, и *внемя* нашей жизни. А *сакразм* позволяет не превратить нас при этом ни в параноиков, ищущих тайное в явном, ни в нытиков, стенающих о тщете всего сущего.

Опечатки страшны и смешны одновременно. Однажды Оскар Уайльд заметил: «Поэт может пережить все, кроме опечатки». И правда, раздражительное Горациево племя поэтов может предаться крайнему отчаянию из-за забавного и пугающего уродца в благородном семействе их прорицаний.

Но мы-то знаем, из какого сора растут стихи, не ведая стыда. Опечаток бояться, ибо они — свидетели, знающие, откуда берутся стихотворные строки, знакомцы их лопуховой родины. За это их отторгают, воспринимая дар за оскорбление. Но бывает, что опечатка выживает и, пусть недолго, в подполье, наслаждается существованием вместе с нами. Я собрал их в этой книге, как в приюте для униженных и оскорбленных слов. Слова-сироты, от которых отказываются авторы, коих уничтожают корректоры и над которыми насмеются читатели, нашли пристанище на этих страницах. В благодарность — и мне, и вам — они дарят возможность посмотреть будто извне на то, во что превратился блистающий мир Божественного творения. Они дарят нам шанс подумать о том, как долго мы еще сможем позволять себе жить в *хультуре*.

Опечатки опасны и забавны одновременно. Как-то Марк Твен пошутил: «Будьте осторожны, читая книги о здоровье. Из-за опечатки в них можно умереть». Толковый Словарь Опечаток, Слов Живаго Суржика Бытия, *сакразмируя*, зовет жить, невзирая на орфографию и орфоэпию, *держимову* и *обронзование*, *Уркаину* и *современность*. После его прочтения становится понятно, что изо всех «орфо» оправданы только орфики, ученики Орфея, вещающие о потаенном, которое всегда рядом с нами и которое забавляется над нашими правилами, страхами и безнадеей. Где-то там, под грязной простыней повседневности, бьют источники адамитского языка, коему нет грамматики и в лексике которого нет *злов*.

На нем поют гурии, несут вести ангелы, хранит тайны
Гермес Трисмегист, созывает на последнюю охоту
Маниту и отдает команды капралам-херувимам архангел
Михаил. На нем Адам мирит Каина и Авеля. На нем Ева
утешает Лилит. На нем змий просит прощения у святых
угодников и простых смертных за яблоко. Прорываясь
с опечатками в наш мир, открывшееся потаенное может
здорово испортить кровь *хультуре* саркастическим
смехом над ее святынями.

И пусть завершится этот словарь-эпитафия словами старой
кабацкой молитвы, шансона взыскующих истины, который
стал гимном академических отшельников от млада до велика.

Pereat tristitia,
Pereant osores,
Pereat diabolus,
Quivis antiburschius
Atque irrisores!

Пусть пропадут тоска и гиль,
Ипохи нашей практики,
Лишатся бесы своих сил
И враги-насмешники
Спудеев-сақразматиков!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абсолютый 106	Держимова 52	Нанука 120	Тополитика 22
Аванхард 119	Долговор 34	Нациоанальность 24	Ультимат 113
Автоктон 126	Дэффективность 16	Незавидимость 28	Уневреиситет 115
Академия 58	Еврожа 74	Оборзение 84	Уникакальность 23
Альтернатина 83	Злово 78	Обронзование 56	Унтерсубъективность 104
Амазона 97	Ивангелие 59	Поколенное 93	Украина 15
Антрацид 61	Иеония 26	Поэчатка 132	Фаллософ 70
Априоритет 117	Изврнное 118	Правма 86	Футбог 110
Борщуазия 38	Имберия 43	Предедки 54	Харакиристика 82
Виктроя 130	Ипоха 124	Ребордаж 85	Характеррористика 81
Вилософия 88	Искомина 122	Репутат 63	Хворум 45
Внемя 101	Иудеология 100	Сакразм 18	Хламур 60
Геневрал 67	Кумопомрачение 40	Современность 13	Хультура 48
Генерат 68	Литрредактор 73	Сотрубничество 29	Хультурология 50
Герменефтика 30	Малогроссия 128	Сотрупничество 90	Цепность 79
Героинм 196	Мараль 80	Спрутница или спрутник 72	Честнок 94
Глубость 102	Мелегат 69	Ссубъект 66	Эгономика 92
Горезонт 75	Миморандум 32	Страгедия 10	Элимита 36
Демонкратия 42	Молчавние 95	Структура 17	Эпистемалгия 107
Демонолохия, идеолохия 98	Мужикант 71	Суккубъект 112	
Державость 20	Нанализ 35	Тихотворение 103	

УДК 821.161
2'276.2(038)

ББК 81.2 Укр-4
М 62

ISBN 978-966-97025-0-0

Михаил Минаков
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ОПЕЧАТОК,
СЛОВ ЖИВАГО СУРЖИКА БЫТИЯ

CONTEMPORARY ART GALLERY

Подписано в печать 29.06.2008. Формат 14,5 x 20.
Бумага офсетная. Гарнитура FreeSetC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3. Тираж 750 экз.

Галерея «Цех»
www.zeh.com.ua

Отпечатано в Ad Production Service; www.AdPS.com.ua